

ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ МГП

© Альманах: Лебедь Белая. В книге опубликованы работы, выдвинутые на конкурс, осуществленный в рамках фестиваля литературы и искусства «Лебедь Белая», 2023 год.

Редактор-составитель: Л. Баумгартен.

© Дизайн: В. Цветков.

Авторский стиль произведений сохранен.

Сохранены также особенности пунктуации и орфографии авторов.

Verlag «STELLA»

Bundesstr. 52

72379 Hechingen

Deutschland

www.stella-verlag.com

Tel. +49/1743840306

ISBN 978-3-95772-343-7

Verlag «STELLA»

Deutschland

2023

ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ МГП

ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Марина Ламбертц-Симонова
Лауреат 1-й степени
ПТИЦА МАТЕРЬ СВА*

За полем брани страшно наблюдать:
Там льется кровь, там жарко, жутко, шумно...
Ну где ты, Птица Лебедь, Птица-Мать,
Чтоб сыновей остановить безумных!

Ты говоришь, внушала им Любовь,
И не давала никакой отравы....
Не ты ли вдохновляла их на бой?
Не ты ли подстрекала жаждать Славы?

Причем, и самой дорогой ценой,
Лишь бы сразить любых «врагов отчизны»!
Но где... враги? Кто из сынов – Герой?
И как, и с кем отпразднуешь ты Тризну?

И где твои сыны? Разобралась?
Тебе все видно сверху, Белой Птице!
Они... лежат, лицом уткнувшись в грязь –
Лежат по... обе стороны границы....

---

* Птица Матерь Сва – вдохновительница на подвиги. «И бьет Матерь Сва крылами, и поет песнь боевую, и эта птица не само солнце, но от нее все началось».

И не подняться им с земли сырой...
«За что?» – вопрос застыл в глазах обоих...
Что кружишь ты? Крылами их накрой,
Пока для них могилы кто-то роет!

Ах, Птица Сва, теперь ты в... прошлом – мать...
А нынче их другие дамы делят...
Кого из них Валькириям* отдать?
Чей подвиг выше? Не тебе измерить!

Ты помнишь их мельчайшие черты...
Как патриотов вырастить старалась!
Ты Птица Сва, и пусть не Солнце ты,
Но от тебя у них все начиналось.

Из-под земли ты слышишь этот гул?
И всюду плач, и стоны, и проклятья?
Так кто же, кто же лбами их толкнул?
Врагами сделал прежде дружных братьев?

Допустим, это Дьявол, Сатана
Создал во имя зла весь этот хаос.
Но Птица Лебедь, птица Матерь Сва,
Ты почему же не сопротивлялась?

---

* Валькирии – «Выбирающие убитых», девы, реющие на крылатых конях над полем битвы и решающие, кто из павших бойцов больше заслуживает попасть в Вальхаллу – чертог мертвых, дворец, рай для убитых воинов, которые каждый день облачаются в доспехи и сражаются насмерть.

Когда на части рвали черти их,
Натравливали братьев друг на друга...
Теперь на век один из них притих,
Другому – веки склеивает вьюга.

Лежат, одновременно поседев,
Два простреливших грудь друг другу брата...
Теперь отбоя нет у них от... дев –
Валькирий страстных на конях крылатых.

На первый взгляд похожих на невест...
Но кто здесь чей избранник – неизвестно!
Кто на земле заслуживает крест?
Кого из них возьмут в Чертог небесный?

Надев на палец брачное кольцо,
Забрав с собой туда, где грани стерты,
В Вальхаллу – рай для доблестных бойцов,
Дворец обетованный в царстве мертвых...

Куда не попадают впопыхах,
Открыт он только для того солдата,
Что принял смерть с оружием в руках,
Нацеленным в любых врагов заклятых.

В каких – неважно! Хоть во всех подряд!
Но по-геройски – не моргнув и глазом!
И даже, если неприятель... брат,
Никак нельзя послушаться приказа...

Теперь вот снегом поле замело,
Куда пришлось обоим навзничь падать...
Кому из братьев больше повезло –
Кто знает, чья достойнее награда?

Ведь тот, кто избран, чтобы жить в раю,
С утра в доспехи должен облачаться,
И ежедневно... погибать в бою,
И ежедневно заново рождаться...

Да, вот такой жестокий путь войны:
Что и героям с неба не спуститься –
Их крылья до того обожжены,
Что тем в... могилах, может, слаще спится.

Но гаснет Солнце, все застлала мгла...
Ни выстрела, ни шороха, ни звука...
Над пропастью зависла Птица Сва,
Которой никогда не нянчить внуков...

Ну, что ж поделать, раз сложилось так:
То вирусы, то войны, то напасти!
Кто правит миром? Лебедь? Щука? Рак?
Лишь обошлось бы, Птица Сва, без... свастик!

Анжелика Шимчук
Лауреат 2-й степени
ЛЕГЕНДА О ЧУДЕ

Лишь в старинных сказаниях где-то
говорилось, что в раннее лето,
в лето светлое, так говорилось,
в облаках белых птица явилась.

Повествуют легенды о чуде:
были белыми птицами люди,
люди белыми птицами были,
но они о том быстро забыли.

То ли былъ это, то ль небылицы –
разучились летать вскоре птицы,
люди-птицы летать разучились
и на грешную землю спустились.

До сих пор люди не понимают,
отчего они всё ж не летают,
почему не летают, как птицы,
если небо во сне людям снится,

и по-прежнему в песнях поётся,
как прекрасно на небе живётся,
как живётся прекрасно, и рвутся
люди снова на небо вернуться.

Но грехи не дают возвратиться,
не дают в небо птицею взвиться,
птицей взвиться, увы, очень сложно,
если души черны и безбожны.

Пусть очистятся помыслы светом,
долгожданным чтоб радостным летом,
летом светлым вновь чудо явилось:
Лебедь белая к нам возвратилась!

Зоя Солис
Лауреат 3-й степени
ПТИЦА-ДУША

Из чистоты, из моей глубины
Возродится Души моей Белая птица!
И полетит над простором Земли,
Как Царица, Великая Мать и Жрица!
Светом своим освети путь другим,
Моя Птица-Душа, и не бойся разбиться!
Женщинам Мира скажи о любви
И покажи, как обрести крылья свои,
Если вдруг потеряны были!
Нежностью сердца сияй в этот Мир
И исцеляй те сердца, что разбиты были!

Нелли Вист
Лауреат 1-й степени
БЕЛЫЕ ЛЕБЕДИ

Не стреляйте в белых лебедей,
Лебеди нам посланы для счастья.
Ради будущего внуков и детей,
Знайτε, стороной пройдут ненастья.

Даже если пелена в глаза,
Все заволокло туманом,
Засинеют ярче небеса,
Яркий луч сотрет обманы!

Село Светлое лежало на берегу Голубого озера. В нем жили добрые, смелые люди. Мужчины – высокие, сильные, крепкие, а девушки – самые прекрасные в округе, стройные, величавые и нежные, как лебедушки. Каждый год весной на Голубое озеро прилетали белые лебеди. Они плавали по озеру, выхаживали птенцов. А поздней осенью, перед морозами, когда вот-вот подернется тонким льдом более мелкая часть озера, расположенная в тени деревьев и кустов, где птицы вили гнезда, лебеди улетали на зимовку в теплые края. Перед отлетом все птицы выплывали на середину озера, взлетали вверх, выстраивались в клин – впереди вожак, и, сделав круг над озером и селом, прошившись с людьми, улетали на юг. Все жители выходили провожать лебедей, махали им в след, желали удачного перелета и скорейшего возвращения.

Но что-то изменилось. Как-то осенью, перед самым отлетом лебедей, сидели на большом камне у озера Алексей со своей возлюбленной Аннушкой и, любуясь синевой озе-

ра, величием и грациозностью плавающих лебедей, мечтали о будущем. Вдруг птицы заволновались, и люди услышали выстрелы. Выстрелы доносились со стороны Нижнего села, которое располагалось с противоположной стороны.

Алексей вскочил и сказал девушке:

– Аннушка, беги в село, сообщи о стрельбе мужчинам. Я сяду в лодку и пройду вдоль берега, может, птицам помощь нужна, или догоню этого безумца.

Алексей обнаружил двух лебедей с подбитыми крыльями. Лебедей вывезли на берег, осмотрели, перевязали раны и ухаживали за ними всем селом. За озером установили дежурство, чтобы обеспечить безопасность птицам. Сходили в Нижнее село, охотника, стрелявшего в лебедей, так и не нашли. Крылья у раненных птиц заживали, но летать они еще не могли. Стая в этом году очень поздно улетела в теплые края, видимо, ждали выздоровления собратьев. Только после того, как Алексей перенес этих птиц к себе в теплый сарай, стая лебедей собралась в путь.

Пролетела холодная зима, птицы поправились. Стаял снег, ярче засияло солнышко. Завтра первый день Масленицы. В каждом доме пекут блины. Совет села решил, что рано утром, на заре, подарок Кому – так раньше называли медведя – понесет Алексей. Участь почетная, но не безопасная.

Подошел Алексей к берлоге, открыл бочонок меда, положил на полотенце гору блинов и отошел подальше. Учюял медведь вкусный запах и вылез из берлоги. Он потянулся, захватил горсть блинов, затем опустил лапу в мед, облизал ее и остался доволен. Когда медведь съел все блины, опустошил бочонок и уселся греться на солнышке, понял Алексей, что медведь сыт, можно подойти ближе.

– Низкий поклон всему древнему роду Комов. С весной, с добром и теплым солнышком, тебя, Михаил Потапович.

– Благодарствую, и вас, люди, с весной и солнышком. Не боишься меня, вижу, спросить хочешь. Говори, постараюсь помочь.

– Беда случилась. По осени стреляли в белых лебедей, как мы поняли, двоих ранили и одного убили. Люди переживают, вдруг лебеди больше никогда к нам на озеро не прилетят. Но и это еще не все. На днях три наши девицы-красавицы ослепли, моя возлюбленная в том числе. Все снадобья перепробовали, ничто не помогает. Не пойдем, в чем причина?

– Приходи завтра в обед. Мне необходимо все проверить, – сказал медведь.

Ближе к обеду, когда солнышко поднялось высоко, подошел Алексей к поляне, поставил еще один бочонок меда и стал ждать. Вскоре подошел медведь, запустил лапу в бочонок, облизал ее и стал высматривать человека.

Алексей вышел из ветвей и поздоровался:

– Добрый день, Михаил Потапович, я и люди моего села приветствуют тебя. Подскажи нам, что за черная колдовская сила стоит за всеми нашими бедами?

– Это проделки старой жабы Абажихи, она поселилась в старом доме села Нижнее. Жаба брала уроки у ворона Вонга, который обучал ее черному ремеслу. Уж очень захотелось ей превратиться в прекрасную девушку, царевну-лебедь. Она решила, что красота твоих односельчанок, девушек-красавиц, перейдет к ней, и она превратится в царевну по приходу стаи лебедей, обклеив себя пухом убитого лебеда. Но это ей не удастся. Зло всегда карается, и только добро вознаграждается. Так было и будет всегда! Помни – лебеди нам посланы для счастья.

– Что нам теперь делать? Как предотвратить ее черные замыслы, как отыскать эту жабу и как вернуть девушкам зрение и красоту?

– Благодарю за мед, очень вкусный. Видишь, лед на озере растаял. Скоро, через двенадцать дней, лебеди вернутся в родные края. Заранее выпусти на воду выздоровевших птиц. Пусть девушки твоего села свяжут легкое покрывало. Это покрывало положи на кусты и ветки у тропинки, ведущей из леса к озеру. Собери девушек и усади их с наступлением двенадцатой ночи на большой камень у озера. Смотрите все на звездное небо, на созвездие Лебеда. Перед рассветом появятся небесные лебеди, они пролетят в полной тишине с востока на запад. Ослепшие девушки пусть стараются всмотреться в небеса. Это святое таинство. В это время придет на берег черная колдунья. А с наступлением дня, в полдень, вернутся лебеди в родные края.

Прошло одиннадцать дней. Девушки и парни обоих сел собрались поздно вечером на берегу озера. Ярко светила луна, засияли звезды. Все разместились на огромном камне, в середину посадили трех ослепших девушек. Еще днем Алексей перенес на озеро двух лебедей и развесил тонкое вязаное покрывало над тропинкой. Птицы держались берега, не заплывали далеко. Молодежь сначала шутила, но потом все замолчали, любуясь красотой звездного неба. Прижавшись друг к другу, созерцали величие и магию небесных светил. А звезды в ответ светились все ярче и прекраснее. Каждый думал о своем сокровенном и мечтал.

Вдруг лебеди подплыли ближе к людям. А там, в вышине, где вырисовывался крест из ярко светящихся звезд – созвездия Лебеда, отделился большой, слегка розоватый, сверкающий лебедь. Он летел по небу впереди клина, а за ним его стая белых звездных лебедей. Они плавно, в полной тишине продвигались по звездному небу. Молодые люди, сидящие у озера, затаили дыхание и с замиранием сердца наблюдали это таинство.

Вдруг что-то громко квакнуло у лесной тропы, и все увидели, как большая жаба плюхнулась в воду. Позже люди обнаружили, что покрывало превратилось в путину.

Аннушка, крепко сжав ладонь Алексея, произнесла:

– Я вижу звезды и эту чарующую красоту небесных лебедей.

Две другие девушки подтвердили, что и они видят звезды. Молодые люди спустились с камня и, крепко держась за руки, поклонились небесам.

– Мы благодарим нашего медведя за помощь и звездных лебедей за то, что они вернули нам зрение. А черная ведьма приняла свой настоящий облик. Сами небеса указали, что лебеди нам посланы для любви и счастья! – сказали прозревшие девушки.

На востоке зарозовел рассвет. Солнечные лучи все ярче окрашивали небосвод. Наступил новый день. И ровно в полдень вдаль показались лебеди. Они пролетели круг над селом и радостно опустились на озеро. Все жители села вышли встречать белых лебедей. Жизнь потекла своим ходом.

А осенью, отгуляли четыре свадьбы: две в селе Светлом и две в Нижнем селе.

Пара лебедей – то счастья вестник,
Символ вечной верности, любви.
Не кончатся лебединой песне.
Любовь вечна! Верь в неё и жди!

Пусть свободно к небесам взлетают
Стаи милых белых лебедей.
Все преграды радугой растают
После первых грозowych дождей.

Татьяна Бадакова
Лауреат 2-й степени
ЛЕБЕДИЯ ХЛЕБНИКОВА

*Я вам расскажу, что я из будущего чую
мои зачеловеческие сны.*

В. Хлебников

Образ лебедя занимает важное место в культуре и фольклоре народов Европы и Азии. Лебедь включён в круг тотемов у многих народностей. Калмыки издревле почитали птиц. Так, например, легендарными прародителями дербетовских* князей были птица филин и дерево ива – «с матерью ивой и отцом филином». Ещё у калмыков много «птичьих» имён – Харцха, Така, Галун и другие.

А лебедь у калмыцкого народа – особо уважаемая птица, приносящая счастье и удачу. Увидав летящих лебедей, надо было молиться. Согласно легенде, дочь небесного царя вышла замуж за охотника и, родив ему детей, вновь приняла облик лебедя и поднялась в небо. В калмыцких сказках мотив часто сводится к тому, что девушки в образах лебедей помогают героям этих сказок. В символике калмыцкого женского платья заключён сложный образ мифического лебедя-маралухи.

В России лебедь – издревле самая почитаемая русским народом птица. По свидетельству византийского историка X века Константина Багрянородного, сама территория, где жили древние русы, именовалась Лебедией. Впоследствии русский поэт-футурист Велимир Хлебников назвал новую Россию «Лебедией будущего».

---

* Дербеты – один из четырёх основных родов у калмыков.

Удивительный поэт и философ Велимир Хлебников родился в нынешнем селе Малые Дербеты Республики Калмыкия. В своём автобиографическом очерке он писал: *«Я родился 28 октября (по старому стилю) 1885 года в урочище Ханская Ставка Калмыцкой степи, в устье Волги, в стане монгольских, исповедующих буддизм, кочевников»*. Здесь он чувствовал себя *«крохотной гласной в бесконечном крике неба»*.

Интерес к миру пернатых зародился у поэта ещё в раннем детстве. Его отец Владимир Александрович был учёным-орнитологом. Птицы для Велимира представлялись живыми символами, которые должны передать движение времени.

В степи, на лоне дикой живой природы, находил Велимир Хлебников вдохновение, силы и свои фантазии. Для него «страна Лебедия» – это также и Волжское Понизовье.

*Где Волга прянула стрелую
На хохот моря молодого,
Гора Богдо своей чертою
Темнеет взору рыболова.
Темнеет степь, вдали Хурул
Чернеет чёрной своей кровлей.
И город спит, и мир заснул,
Устав разгулом и торговлей.*

(из поэмы В. Хлебникова «Хаджи-Тархан»)

Основная идея поэмы «Хаджи-Тархан» – единение народов, связь России и Азии, взаимодействие культур на едином пространстве. Он писал, что на горе Богдо* *гордо подымается замок для исследования неба Лебедии – осада человеческим разумом тайн звёздного мира.*

---

* Место паломничества для любителей поэзии В. Хлебникова.

Любовь и увлечённость славянской мифологией Виктор (Велимир) унаследовал от матери, Екатерины Николаевны Вербицкой, историка по образованию. Народные песни, сказки, заговоры, заклинания стали источником его вдохновения. Идеальный мир представлялся Хлебникову содружеством народов. В первобытном обществе, в языческой культуре видел поэт общечеловеческие ценности, лишённые классовых и национальных предрассудков.

«Я не смотрел на жизнь отдельных людей, но я хотел издала, как гряду облаков, как дальний хребет, увидеть весь человеческий род и узнать, свойственны ли волнам его жизни мера, порядок и стройность».

Часто Велимир называл Россию Лебёдушкой, веря в её чистую душу, верность и любовь.

«Однажды Родина – Лебёдушка обязательно очнётся от морока, взмахнёт своими могучими крылами, поднимется высоко в небо – на вершину своей недосыгаемости для недругов». Именно такой видел Велимир Хлебников Россию.

В «Лебедии будущего», написанной во второй половине 1918 года, Хлебников удивительным образом предвидит устройства – прообразы современных телевизоров, компьютеров, смартфонов. *«Тенепечатью на тенекнигах общались последние новости, бросая из блистающего глаза – светоча нужные тенеписьма».*

А также описывает Велимир и блогеров, которые показывают свои работы на экране тенекниги: *«Некоторые, вдохновлённые надписями тенекниг, удалялись на время, записывали своё вдохновение и через полчаса, брошенное световым стеклом, оно теневыми глаголами показывалось на стене».*

Всё предполагаемое им тогда очень похоже на работу наших современников во всемирной сети интернет, на ведение, например, «Живого журнала» и т. п.

Удивляют следующие его предсказания:

– *«В тeneвых читальнях дети сразу читали одну и ту же книгу, страница за страницей переворачиваемую перед ними...»*

– *«Но храмы всё-таки остались. Лучшим храмом считалось священное место пустынного бога, где в огороженном месте получали право жить, умирать и расти растения, птицы и черепахи. Было поставлено правилом, что ни одно животное не должно исчезнуть».*

В «Лебедии будущего» Хлебников пророчески представляет развитие земледелия, путей сообщения, лечение. Это и фантастика, и реальность. В своих заключениях он опирается на легенды, мифы и фольклор, а также на исследования учёных, литераторов и записи путешественников. Но по смысловой окраске слов тексты Хлебникова окажутся трудно воспринимаемыми. Он успеет рассказать о мире будущего, но для людей останется загадочным пророком. Так считают многие исследователи творчества Велимира Хлебникова.

Друзья называли Велимира Хлебникова Королём времени. Сам же он предпочитал должность Председателя Земного шара. Хлебников был убеждён, что в будущем цивилизацией будет управлять Союз Мудрейших – по одному представителю от всех наций. В своих предсказаниях он видел очертания мира, совершенно непохожего на действительность, которая его окружала. Хлебников мечтал, что в будущем установится всемирное братство людей, а также будет полная гармония людей с природой. Особую роль Велимир Хлебников отводил поэту как некоему тайновидцу.

Лебедь считается птицей поэтов. Песня умирающего лебедя – это песня поэта, а его белизна – искренность.

«Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей похожа на один божественно звучащий стих».

В 1922 году поэта не стало. Он прожил неполных тридцать семь лет, как сам пророчески определил: *«Люди моей задачи умирают в тридцать семь лет»*, имея в виду судьбы Байрона и Пушкина.

Он очень мало печатался, не имел никаких наград и званий. Но его влияние на развитие русской литературы XX века не переоценить. Споры о нём не утихают до наших дней, то затухая, то разгораясь с новой силой.

Осип Мандельштам писал: *«Каждая его строка – начало новой поэмы. Через каждые десять стихов афористическое изречение, ищущее камня или медной доски, на которой оно могло бы успокоиться. Хлебников написал даже не стихи, не поэмы, а огромный всероссийский требник-образник, из которого столетия и столетия будут черпать все, кому не лень».*

В нынешнее время к произведениям Велимира Хлебникова всё чаще обращаются историки и математики, философы и все любители поэзии.

Галина Долгая
Лауреат 3-й степени
ЧУВСТВЕННЫЙ ОБРАЗ МИРОЗДАНИЯ

Птица – знак, символ и чувственный образ мироздания и природы, который вмещает в себя физический и духовный мир в широком аспекте чувств и представлений.

Л. И. Ремпель

Древние мифы, религиозные тексты, изображения на амулетах донесли до современного человека идеи предков, в которых птица занимала одно из почетных мест рядом с богами и богинями, олицетворяющими то или иное явление природы или качество души. Так, орел считался символом величия и царской власти; павлин – пестрого многообразия мира и высоких нравственных помыслов; голубь был и остается символом мира и света. Лебедю же отведена роль символа чистоты и красоты, как душевной, так и физической. Эта мощная и красивая птица является связующим звеном трех стихий – воды, воздуха и земли. Неслучайно в мифологии разных народов лебедь – спутник богинь красоты и плодородия. В русских сказках образ лебедя, как метафора красоты и мудрости, часто появляется рядом с прекрасными царевнами. Царевна-лягушка (тоже образ водной стихии, тесно связанный с плодородием!), танцуя, создает лебедей из белых перьев.

«...Пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди...»

В «Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» Александр Сергеевич Пушкин создал персонаж Царевны-лебедя:

*За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.*

Царевна та непростая! Мало того что красивая, так она плавает в синем море лебедем!

Один из лучших образов пушкинской Царевны-лебедя создал Михаил Врубель. Она показана одновременно прекрасной царевной в богато украшенной короне и лебедем. Воздушные белые одеяния переходят в перья, и царевна то ли парит над морем, еще оставаясь лебедем, то ли идет по земле, уже почти превратившись в царевну.

Не обошли вниманием лебедя, как символ красоты, чистоты и мудрости, и древние индусы. В индуистском пантеоне богов есть богиня по имени Сарасвати. Она супруга Бога-созидателя Брахмы. Вместе они путешествуют по мирозданию на космическом лебеде Гамза. Сарасвати – богиня мудрости, знания, искусства, красоты и красноречия. Дословно ее имя переводится как «текущая река». Первоначально Сарасвати считалась Речной богиней. Одна из рек Индии называлась ее именем. В Ригведе – священном пи-

сании индуистов – Сарасвати посвящены три гимна как богине великой реки древних ариев.

«Она благодатна, полноводна, стремительна; течет из горы к морю; ее поток величием превосходит все другие воды; вода ее чиста, своими волнами Сарасвати разрушает горные вершины... Заполняет воздушное и все другие пространства».

Сарасвати изображают в виде прекрасной четырехрукой женщины, сидящей на лебедь. В каждой руке она держит некий предмет: священную книгу Вед – символ науки; четки из белого жемчуга – символ духовности; чашу со священной водой – символ созидательной и очищающей силы; вину – музыкальный инструмент, символ искусства. И к Сарасвати вполне можно отнести строки Пушкина:

*Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.*

На изображениях богини месяц украшает ее лоб, солнце ореолом святости окружает ее сзади. Но богиня «величава», и ее речь звучит журчанием реки. Ведь богиня речная!

Вполне вероятно, что Сарасвати стала прообразом сказочных царевен в русских сказках. А рассказы о ней привезли путешественники, например, Афанасий Никитин. Ведь Сарасвати связывали не только с небольшой речкой ее имени, но и с великой рекой Индии – Индом, по водам которого плавали многие корабли.

Некий отголосок образа индийской богини Сарасвати прослеживается и в образе Речной богини Еркургана – города, некогда бывшего духовным центром Южного Согда, называемого Нахшабом, или Никшапайей. Ныне городи-

ще Еркурган находится в пяти километрах от современного узбекского города Карши. В городском храме Еркургана найдена скульптура богини, судя по другим находкам (фигурки змеи и лягушки, зеркало, рисунки на стенах в виде волн), имеющая отношение к воде.

Вода, как и огонь, свято почиталась в Средней Азии. Ввиду синкретизма религий в доисламский период развития региона, Речная богиня Еркургана воплотила в себе образы богинь разных верований. Это могли быть персидская Ард-ви Сура Анахита (с арийского переводится как Влага Сильная Незапятнанная), кушанская Ардохшо (покровительница царей, богиня плодородия, дочь Вахша – особо почитаемого в Бактрии божества, чьим именем названа одна из рек, образующих Амударью), греческая Афродита (которая вышла из вод морских), римская Венера и индийская Сарасвати – от каждой получила Богиня Никшапайи дар или символ.

На сохранившемся лике скульптуры Речной богини, на лбу и щеках видны рисунки в виде красных розеток, окруженных точками, которые напоминают плоды лотоса с семенами. Чем не звезда во лбу?! Не хватает лебедей. Что ж, пока образ Сарасвати с берегов Инда достиг берега Светящейся реки (Кашкадарьи), о лебедях могли забыть. Ведь эта крупная и красивая птица нечастый гость на реках и озерах Средней Азии, в отличие от уток или гусей, которые изображены на фресках Афрасиаба в Самарканде.

Великий Шелковый Путь связывал многие страны от Индии и Китая на востоке до запада Евразии, и еще осталось немало тайн, которые предстоит раскрыть. Возможно, схожесть символов, которые сопровождали богинь плодородия в мифах и сказках разных стран, в частности лебедей, вызвана *«сходством процессов отражения природы*

в сознании людей» (Л. И. Ремпель). Но, как бы то ни было, образ прекрасной белой птицы, с древних времен олицетворяющей красоту и силу природы, вдохновлял и вдохновляет творцов всех времен и народов на создание бесмертных произведений искусства и литературы.

*Белый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.*

*Под тобою – глубь немая,
Без приветов, без ответов,
Но скользишь ты, утопая
В бездне воздуха и света.*

*Над тобой – Эфир бездонный
С яркой Утренней Звездой.
Ты скользишь, преображённый
Отражённой красотой.*

*Символ нежности бесстрастной,
Недосказанной, несмелой,
Призрак женственно-прекрасный –
Лебедь чистый, лебедь белый!*

Константин Бальмонт

*Ученая литература спасает людей
от невежества, а изящная –
от грубости и пошлости.*

Николай Чернышевский

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Елена Лещинская
Лауреат 1-й степени
ПОДНЕБЕСЬЕ

Перекрёстки, бетон и зелень, изломы крыш,
Новостройки цвета рома и карамели.
Шаг, другой над сырым асфальтом – и ты летишь...
Подожди, помедли.

Между этой землёй и небом прочна стена.
Если биться в стену – лучше бы кодом Морзе.
Что от нас ещё остаётся – слова, слова...
Кровь, огонь и слёзы.

...Синим куполом антарктических древних льдов
Поднебесье над сонным городом нависает.
За антеннами померещится цепь следов,
А потом растает.

ИВАН-ЧАЙ

Поначалу не было даже слёз –
Хоть наотмашь бей, хоть в упор стреляй.
Вместо снега – пепел знакомых звёзд.
Вместо неба – выжженная земля.

И ещё не скоро на той земле
Прорастут терновник да молочай.
Десять лет, десять проклятых долгих лет
Ты беззвучно плакала по ночам.

И в рассвета муть, и в заката медь
Отправляла весточки по ветрам...
Не реветь, не верить и не реветь,
Не носить монеты в нарядный храм.

Море дышит мерно и тяжело.
За грудиной ноет, да не горит.
Ветры дуют, брызги стучат в стекло,
Выбивая тот же знакомый ритм.

Двадцать лет прошло или тридцать три –
Разве это важно, в конце концов?
«Говори, пожалуйста, говори,
Даже если я не услышу слов...»

Затишают чаячьи голоса.
Шторм уходит. Гаснет в окне свеча.
На беззвёздных выжженных небесах
Всё цветёт отчаянный иван-чай.

Наталья Колмогорова
Лауреат 2-й степени
ПЕЛАГЕЯ ДЛЯ ДЯДЮШКИ ПО

Дядюшка По, без сомненья, сегодня не в духе,
Вроде бы мелочь – супруга куда-то пропала,
Не ожидал он от жизни такой оплеухи,
Ночью была, а под утро супруги не стало!

Дядюшка По сокрушался: – Какая досада!
Нет её в зале, на кухне и даже в прихожей,
Только на полке осталась губная помада,
Тушь для ресниц и красивый очешник из кожи.

Дядюшка По позвонил в полицейский участок:
– Так, мол, случилось, найдите скорее супругу!
Да, наши ссоры случались, естественно, часто.
Да, иногда ревновал её к лучшему другу.

Впрочем, жена и сама далеко не подарок,
Вечно ей в жизни чего-то, увы! – не хватало,
То гардероб недостаточно дорог и ярк,
То подавай ей билет на премьеру в «Ла Скала».

– Вашу жену мы отыщем! Какие приметы?
Вкусы? Привычки? Мы примем возможные меры...
– Память подводит! Я мало что помню об этом.
Мне девяносто. Склероз и дурные манеры.

Помню, была Пелагея моя хохотушкой,
Помню, любила пионы и алые розы,
Время прошло, отсчитала мгновенья кукушка,
Век коротаю с подагрой и давним склерозом...

Сутки прошли! И звонок загремел погремушкой,
Дядюшка молча метнулся с ключами до двери,
Там на пороге, потупясь, стояла старушка.

– Как вас зовут?

– Участковый сказал – «Пелагея»...

В мире большом одинок каждый третий. Но верю! –
Каждой кастрюле своя полагается крышка,
Дядюшка По обожает свою Пелагею
И называет её «престарелой малышкой».

Пусть и для вас вдруг отыщется скорое счастье,
И Дядюшке По найдётся своя склеротичка,
Пусть участковым дают ордена за участие...
В общем, пускай будет стойкая к счастью привычка!

Павел Соловьев
Лауреат 3-й степени
ЭТОТ ГОРОД

Этот город – жёлтый и красный, двери-окна размеров разных
и на башне шпиль несуразный – очаровывает меня.
Здесь прямые линии редки. На скамейках – бабки и дедки,
а в пруду – цветные монетки, и по берегу – малышня.
Этот город – сине-зелёный, словно созданный для влюблённых,
под резными листьями клёнов проезжает резной возок,
здесь полны русалок фонтаны, здесь цветки роняют каштаны
и доносится из шантана невесомый лёгкий джазок.

Этот город, словно у Фрая, на границе яви и рая,
здесь звенит бубенчик трамвая, басом вторят колокола,
здесь у ратуши часовые, здесь из стёклышек мостовые,
и зовут проулки кривые прогулять всю ночь досветла,
заходить в ночные кафешки, покупать бриоши и кешью,
медитировать на полешки, что трещат в каминном огне...

Я сижу. В камине, как в раме, вижу пропасть между мирами,
где съедает, танцуя, пламя мир, куда возвращаться
совсем
не хочется
мне.

ЕЩЁ

Я так давно родился и живу
В том городе с ажурными мостами,
Где флюгеры, собравшиеся в стаи,
По вечерам над крышами взлетают,
И небо превращается в канву,
Расшитую стеклярусом комет
И ароматных трубочек корицы.
Часы на башне отбивают тридцать,
И на пушистых липовых ресницах
Колышется фонарный тёплый свет.

Вся жизнь моя на этих площадях –
Наполненная смыслом бесконечность:
Струится и пытается утечь, но,
Истлевшим чёрствым временем чадя,
Века меня не тронут, пощадят,
И я взмахну распахнутым плащом
От этих стен, так тягостно знакомых,
Вдоль цветников на кованых балконах,
Над будками сторожевых драконов
В далекое манящее «ещё».

Виктор Сапиро
Дипломант
СТЁКЛЫШКИ В КАЛЕЙДОСКОПЕ

То влево, то вправо, то прямо, то криво
Судьба попадает в свою колею,
А мир, как и прежде, несётся с обрыва,
Хотя и кричит, что стоит на краю!

Несказанных слов и несломанных копий
Почти не осталось – летим налегке...
Лишь крутятся стёклышки в калейдоскопе,
Мы все – просто стёклышки в калейдоскопе
Под бдительным оком в надёжной руке!

То прямо, то криво, то влево, то вправо
Под красочным лозунгом «вынь да положи»
Из башен и вышек струится отравы –
Процентная правда, процентная ложь!

Посыл для неровно сидящих на попе –
Давай-ка ложись, откажись, воздержись...
Ведь крутятся стёклышки в калейдоскопе,
Мы все – просто стёклышки в калейдоскопе,
Да-да, этот миг называется «жизнь»!

Не скажем врагу – и тем паче друг другу –
Что сломан сюжет и хромает мораль,
Что в этой Вселенной всё скачет по кругу,
По кругу, который совсем не спираль!

Без прошлых иллюзий и пришлых утопий –
Динамика спектра от света до тьмы...
И крутятся стёклышки в калейдоскопе,
Мы все – просто стёклышки в калейдоскопе,
Вращается он – и вращаемся мы!..

БУТЕРБРОДЫ ПАДАЮТ МАСЛОМ ВНИЗ

Время стучится в двери конём в пальто,
Новую эру громко трубит горнист...
Здесь всё возможно – но непреложно то,
Что бутерброды падают маслом вниз!

Здесь бесконечны войны за мир и мор,
Здесь компроматом слышится компромисс...
Каркает ворон снова про Невермор –
И бутерброды падают маслом вниз!

Текст оказался ролью для короля,
Жаль, не прописан выход из-за кулис...
Хочется всё сначала и всё с нуля –
Но бутерброды падают маслом вниз!

Долго ли через про́пасть пропáсть во лжи?
Чё там сказал компьютерный братец лис?
Может смениться власть и промчатся жизнь –
А бутерброды падают маслом вниз!..

Фаина Судкович
Дипломант
ТАК БЫВАЕТ

Так бывает, твой мир вдруг свивается в кокон,
очень маленький, тесный, шершавый внутри.
Ни открытых дверей, ни распахнутых окон.
Ни Лазурного моря. Ни садов Тюильри.

Ты пытаешься втиснуться в новую кожу,
и принять, что другого уже не дано, –
только мир-понарошку, на кокон похожий,
только мизерный домик, слепое окно...

Там внутри, в темноте, все становится тише,
даже шорохи сердца и дробь позвонков.
И кричи – не кричи, всё равно не услышат.
То ли стены – глухие, то ли голос – таков.

Так бывает, что в теле, как в маленькой печке,
прогорают дрова. И подкинуть – невмочь.
И бессмыслен мирок, заключённый в аптечке.
И бессмысленным утром кончается ночь.

Ты твердишь: «Не бывает, чтоб так беспросветно!»
Обживаешь свой кокон, меняешь прикид.
Даже в зеркало смотришь и еле заметно
улыбаешься сердцем, в котором болит.

Да, болит. Но когда-нибудь надо решиться,
Распрямиться, чтоб стало совсем невтерпёж.
И расколется кокон на камни – крупицы...
Ничего. Были б камни. Ты их соберёшь.

НА ПОЛУСЛОВЕ

Мой любимый умер на полуслове.
Он ещё говорил, у него ещё наготове
были фразы. И он ничего не заметил,
говорил. Смотрел, как курчавится ветер
в моих волосах, как меняется небо
у меня за спиной. А мне в тишине бы
посмотреть на него и, быть может, заплакать,
развести эту глупую, бабскую слякоть...
Вот тогда бы он понял, наверно, что умер.
Не исчез, не скурвился, не обезумел.
Просто стал утраченной каплей крови.
...Мой любимый умер. На полуслове.

Алла Кречмер
Дипломант
ТАНГО

В ритме танго танцует моё искушенье,
Сумасбродство безумных страстей.
Мы с тобой повторяем друг друга движенья
В ярком свете горящих огней.

Увлекаешь меня, как текущая лава;
Жжёт мне кожу дыханья самум.
Этот танец, как в звёздную ночь переправа,
По аккордам идём наобум.

И сливались намёки со вздохом протяжным,
Будет встречи случайный повтор.
То, что разные мы, это, в общем, неважно –
Жест и ритм продолжают свой спор.

И ложатся шаги невесомой строкою,
Словно мы поднялись от земли.
Здесь на вихре восторга ночью порою
Нас с тобой облака унесли.

Ты боишься очнуться – исчезнет виденье,
Снова дробь выбивают шаги.
Мы с тобою мелькнём в ритме танго, как тени,
Потерявшие путь мотыльки.

ЯЗЫЧНИК

Повержен Перун. Отошла безвозвратно
Эпоха старинных знакомых богов.
Кому-то позор, а другому утрата,
А третий прислуживать новым готов.

На берег днепровский, крутой и высокий,
Весь съехался город, и князь впереди.
Судьба разделила нас на два потока –
Упорных казнить, остальных окрестить.

Там крест был поставлен, навек перечеркнут
Уклад наш привычный в тот век перемен.
Сожжённое капище завесой чёрной
Нам застило солнце, и мрак взял всех в плен.

Я тоже язычник и делаю выбор
Отречься от прошлого и навсегда.
Как хочется жить: мир согласия зыбок
С собой и с судьбой. А внутри пустота.

Мне страшно: утопят, как тех, несогласных.
Не лучше ль смирение, крест и купель?
Нет с мёртвого спроса, жизнь может быть разной.
В крестильной рубахе ступаю на мель.

Крещусь неумело я с новой молитвой.
Чтоб казни не видеть, я взгляд отверну,
Но знаю: душа моя ложью убита
И с идолом вместе уходит ко дну.

Эвелина Цегельник
Лауреат 1-й степени
ПРИБЛУДНАЯ

Коробка была тяжёлая, неудобная. Роман приставил её к стене, ища в безразмерных карманах среди всякой скопившейся там всячины продолговатый ключ. До сарая было рукой подать. Но огромная коробка никак не давала возможности это сделать. Обитый кусками ржавой сетки и листовым железом сарай больше напоминал блиндаж, наполовину ушедший в землю, под самой крышей которого был вмонтирован огрызок мутного стекла. Сквозь стекло проступали незамысловатые силуэты плетёных коробов и корзин.

Ромка ловил птиц, а отец плёл из ивовых прутьев клетки и лари. Этим-то они и промышляли всё лето, хотя торговля шла так себе, вяло. Закажут там какую-нибудь поноску для персидских котят или корзину для элитного мопса, да вдруг чужак какой удумает себе ларь под картошку. Вот и весь бизнес.

Была и у Ромки собака. Беспородная. Приблудная. По кличке Юська. Щенком ещё привадилась она спать под дверьми сарая. Вот и прикормилась. Через год собака родила семерых щенят. Тут же под дверью. Ромкина мать всех тогда утопила в ведре с водой, после чего спустила в унитаз. Через полгода Юська родила вновь. Матери тогда в доме не было. И, по отцовскому недогляду, щенки остались жить.

Мать приехала из города через месяц. Суровая, погрывшая. Устало выложила на стол из кулей продукты и какую-то одежонку. Хмуро взглянула на переваливающих опухших щенят, на мужа. И, не сказав ни сло-

ва, начала собирать всех щенков в одну коробку, потом так же молча сунула всё это мужу в руки...

Муж с минуту растерянно постоял с коробкой в руках, размышляя, как с ней быть. Потом окрикнул со двора сына.

– Ты, сорванец, Юську-шалаву прикормил. Теперь, куда хочешь, туда и девай её отродье! Но чтоб впредь в доме щенячьим дерьмом даже не пахло.

Юська, лохматая серая псина, которую никто и никогда вниманием своим не баловал, вполне по-христиански любила неулыбчивое семейство, отвечая на кривые ухмылки лучезарно обезоруживающим и бескорыстно-преданным взглядом. При всей неказистой внешности была у Юськи какая-то совсем не собачья, особенная походка: правильно она ходила, ставя одну лапу перед другой, как будто по одной линии. Худющая, многократно всеми обруганная и побитая, замученная вечным недоеданием, Юська продолжала искренне всех любить...

Запыхавшийся Ромка беспечно принял огромную коробку из рук отца и вынес во двор. Следом, трясая сосцами, убежала засуетившаяся враз Юська.

– Пошла, пошла, шалава! Вот ведь дал бог напасть на мою голову.

Ромка пихнул собаку ногой. Она отпрянула к стене, но не убежала, а поджав хвост, заскулила, потихоньку подаваясь поближе к ноге. Вплотную, однако, не подползла, а выжидательно замерла рядом, пытаясь изо всех сил поймать взгляд несмышлёного своего хозяина. Что-то холодное и скользкое блеснуло сейчас в глубине его глаз.

Как только Ромка скрылся в сарайке, Юська мгновенно осмелела и подползла поближе к коробке. Затем поднялась, встала на задние лапы и неожиданно провалилась во внутрь непрочной картонной конструкции.

Подросток быстро вернулся, волоча за собой большую совковую лопату. Щенки из опрокинутой коробки высыпали на траву, раскатившись во все стороны, словно мячи.

Счастливая Юська таскала малышей за загривок, облизывала животы и уши, а те, довольные, прилипали к её сосцам, словно гири.

Дворовая детвора вмиг окружила хвостатое семейство. Щенки сновали из рук в руки. Их собирали, складывали в кучу, в единое живое лоскутное одеяло. Детская неуёмная радость вызвала у Романа досаду и бессильную злость. Он принялся отбирать у ребят щенков и складывать их обратно в коробку.

– Эй, мелюзга, а ну отсюда! – заорал Ромка. – Щас щенков убивать будем! Ну, что, салаги, кто не боится?!

Дети вначале примолкли, затем зашептались, потом кто-то вылез вперёд. И вот за Ромкой уже шествовал целый эскорт. Кто-то нёс Ромкину лопату, кто-то уже сбегал в сарай за своей. Толян и Фомка по очереди тащили огромную жёлтую коробку, которая заметно подмокала снизу. Позади всех семенила Юська и зеленоглазая девчушка лет шести. Она что-то слышала в толпе про щенков. Видела уголок огромной жёлтой коробки. И ей непременно хотелось увидеть этих самых щенков или даже взять одного себе, навсегда, вот только спросить разрешения мамы. Мама жила сейчас в большом городе, потому как их город был совсем маленьким, и работы в нём не было давно. Зато были девочкины бабушка и дедушка. Они заботились о ней и любили. Но если бы ей разрешили иметь ещё и щенка...

За мыслями она едва не упустила из виду торжественную процессию. Мальчишки спешили куда-то за дальние сараи, по-видимому, на пустырь. Девочка сейчас так сильно

завидовала Ромке! Конечно, ведь у него была Юська, умная и ласковая собака. А теперь ещё столько щенков, что их можно было носить на прогулку только в большой-пребольшой коробке. Вот бы ей одного! Ну, хоть самого маленького... А может, щенка взять сразу, а маму спросить потом, когда вернётся? Или лучше написать письмо? Хотя писать она ещё не умела.

Процессия споткнулась, остановилась. Задние ряды надавили на первые. Ребята загалдели, коробка повалилась на землю. Девочка со всех ног бросилась пробираться сквозь возбуждённую толпу. Ведь сейчас непременно должны вынуть щенков. Вот бы ей посмотреть на них, ну хоть одним глазиком...

Толян и Ромка зачем-то копали яму, но щенков никто не вынимал. Ребята галдели, торопили, улюлюкали. Когда яма стала более-менее глубокой, коробку наконец-то открыли и, к девочкиной радости, стали доставать из неё сонных щенков, попеременно складывая их в яму. Это, наверное для того, чтобы они не разбежались, подумала девочка. Щенки были до того очаровательны, до того трогательны, что казались забавными плюшевыми игрушками. Особенно последний, чёрный, с белым-пребелым ухом. У ног Ромки доверчиво скулила и юлила Юська. Всю дорогу она не отставала от паренька, пытаясь заискивающе потереться об его несвежие, замызганные грязью брюки. Жалобное собачье поскуливание, однако, не изменило настроения хозяина. Ромка, не обращая на Юську никакого внимания, хладнокровно складывал щенков в яму. Как только на дно опустился последний, белоухий, Ромка приказал ребятам присыпать щенков землёй. Мальчишки со смехом начали закидывать живые комочки горстями земли. Белоухий завозился, зафыркал, запищал, пытаясь стрях-

нуть с головы и носа влажную холодную землю. Пока девочка соображала, что это за новая игра, откуда-то с высоты блеснуло наточенное острие лопаты, вонзаясь в плюшевую шелковистую головку Белоухого. Щенок тоненько пискнул и затих. Звук оборвался. Девочка попятилась назад. Кто-то опять ожесточённо рубанул воздух. Ещё, ещё раз...

Ребята рубили и рубили лопатами воздух. В толпе началась вдруг чудовищная эйфория. У всех стали какие-то недетские, ошалелые глаза. У несчастной девочки от жуткого зрелища похолодели ступни ног и кисти рук. Клинки лопат работали быстро, затем быстрее, ещё быстрее. Каждый стремился доказать свою полезность и нужность. Это было как массовое помешательство. Какой-то парад палачей...

Психология толпы сработала чётко и моментально. Любой самый задрипаный паренёк мог сейчас продемонстрировать своё сиюминутное геройство и мужество.

На дне ямы всё ещё что-то копошилось, хрипело. Куски плоти смешивались с грязью, с травой, с чьим-то смехом. Озверевшие подростки топтали живое собачье месиво сапогами с налипшими на них кусками глины и шерсти, били палками, выплескивая на безответные жертвы всю накопившуюся внутри себя недетскую злобу, тоску и боль. Юська лихорадочно лизала палачам руки, всё ещё в отчаянных попытках спасти своих детей, и с тревогой ожидала каждого нового удара... Ну что ж, зло порождает зло. Неуловимое, вездесущее, беспощадное. Щенки в сознании перепуганных, ошалевших и запутавшихся от вседозволенности детей слились в какой-то единый образ врага. Покалеченные зверьки умирали мгновенно и без звука. Ребята пресекали резким ударом «штыка» все их попытки пошевелиться.

Заворожено глядя в чёрно-малиновую жижу, девочка никак не могла вздохнуть. Что-то скользкое и тяжёлое сдавливало лёгкие. Холодный пот прилепил к спине голубенькое вязаное платье...

Растоптав пустую коробку, смеясь и улюлюкая, ребята возбуждённо принялись обсуждать меткость ударов. Ромка по-взрослому вынул начатую пачку папирос, со всех сторон к ней потянулись озябшие руки. Покурив, толпа отхлынула назад. Девочка осталась одна. Она никак не могла сдвинуться с места. Ноги, казалось, были закопаны в этой же самой яме. Остолбневшая, она с трудом пыталась понять, что же такое сейчас здесь случилось. И было ли на самом деле? А может, всё – только сон и сейчас она проснётся?! Надо только сильно захотеть проснуться...

Исхудалая тень метнулась навстречу: Юська подползла на брюхе к самым девочкиным ногам, лизнула шершавым языком окоченевшие тоненькие пальцы, вымученно заглянула в девчачьи глаза и... тоскливо, протяжно завывала. Это совсем такое человеческое Юськино стенание вмиг вывело девочку из немоты. Из её рта наконец вырвался бесформенный комок звуков. Юська вздрогнула, притихла, ткнулась носом в прилипшее девочкино платье, обнюхала и неторопливо потрусилась назад, сквозь чёрные покосившиеся сараи, – догонять толпу.

Наталья Колмогорова
Лауреат 2-й степени
ЩЕПОЧКА

Русский без православия – дрянь, а не человек...

Ф. М. Достоевский

Из пяти сваренных яиц одно оказалось несвежим. Тошнотворный запах удушливой волной встал поперёк горла. Аксинья брезгливо поморщилась:

– Ить, сослепу не доглядела, подклад из-под куры забрала ненароком.

Павлуша, глядя на мать, растянул полные, как у девушки, в улыбке губы. Хорошо ли, дурно ли – Павлуша всегда улыбается! А что с него взять-то? Поскрёбыш да увалень, каких свет не видывал! Дурак – не дурак, зато сила в ручищах – не дуюая. В лютый мороз без рукавиц дрова в щепу колет, а может лошадь колхозную запрячь – залюбуешься! Летом на покосе такой навильник подымет, что не каждому сельчанину под силу.

Да, в колхозе теперича всё общее – и коровы, и кони, и покосы луговые.

Хорошо помнит Павел, как однажды Советская власть пришла в его родное село Сосновка, и как всё полетело вверх тормашками; как привычная, накатанная жизнь сошла с рельс, будто старая дрезина – без рулевого.

Соседа Силантия Коротова да ещё пару мужиков раскулачили и отправили в края дикие, таёжные, на съедение комарам да медведям. Храм в посёлке, по приказу заезжего уполномоченного, заколотили досками, иконы, погрузив на телегу, вывезли в неизвестном направлении, а батюшку отправили со скудным скарбом восвояси. Над вхо-

дом в храм, трепыхаясь на ветру, теперь красовался транспарант с уродливыми красными буквами: «Религия – опиум для народа!»

Долго ждал и надеялся Павел, Михайлов сын, когда наступят прежние времена и всё вернётся на круги своя. Однако, надеялся зря! Вместо вечерних песнопений и псалмов теперь пели про ленинизм и коммунизм, а на завалинках – матерные частушки.

– Осподи! – крестилась Аксинья. – Да шо же деется на белом свете! Совсем люди ополоумели.

Павел вздыхал, ложился на полати, отворачивался к стенке и прикрывал глаза, словно не хотел видеть то, что творится вокруг. Перед его взором вставала картинка: на кусок только что освежёванного мяса слетаются кровососущие насекомые. И каждый кровососущий никак не может насытить своё прожорливое брюхо кровью...

Старший брат Карп с сестрой вдруг засобирались в город, прихватив с собой нехитрые пожитки.

– Неча, – сказывали, – в деревне делать! Старикам бы тока пахать да граблями махать. А молодым-то што? В городе завод имеется, курсы по портняжному ремеслу. Коммунизм надобно строить, а не на печи сиднями сидеть!

– И ухажёры в городе знатные, не чета нашим олухам! – поддакивала Анфиска.

И вправду, засиделась она в девках, недавно двадцать годов стукнуло. Как будто в городе женихи мёдом мазаны, и, окромя Анфиски, других вариантов нет...

Благо дело, город от Сосновки недалече, всего-то двадцать вёрст по железной дороге. Пару раз ездил Павка с братом Карпом на крыше товарняка, дюже замёрз до коллик по всему телу, до синюшности кожного покрова. Но такая выгонка из дома случилась – нужда окаянная! На

городском базаре, помнится, продали они с Карпом брикет масла в полкило, шмат сала, три жмени махорки, да творога свежего, крупинчатого, да десять головок лука – ядрёного, в золотой кожуре. Славно тогда наторговали! В лавке опосля керосину купили, папирос, да пузырь «беленькой». Анфисе – ленту атласную да нитки для рукоделия.

– Уеду я, Павка, портняжному ремеслу учиться, – Карп опрокинул шкалик, хрустнул малосольным огурцом, отёр губы. – А ты на хозяйстве оставайся.

Когда-то Карп таскал его на закоурках, кормил кашей из чугунка, а, коли надобно, и «леща отвешивал».

Павка глядел на брата и диву давался – откуда в нём столько решимости? Город – не тётка, того и гляди, ограбят или рожу разобьют. Хоть и братья они с Карпом, да разные и с виду, и по духу. Карп улыбается редко, скупое. Лицо оспой изрыто, походка по-медвежьей тяжёлая. Самто, как огарок свечи – чёрный, жилистый. Весь в отца, что сгинул в Первую мировую.

Павка, супротив брата, гладкий, хоть и переболел тоже оспой, но, почитай, без ущерба для внешности. Лицо открытое, с ямочками на щеках, волос русый. Голова крупная, с ранними наметившимися залысинами. Характер славный, беззлобный. Только один недостаток имеется – «паду-чая» иной раз так скрутит, что Аксиныя полоумееет от страха за сына.

– Не ехайте в город! – Аксиныя плачет, увещевает, как может, Карпа с Анфисой. Да толку-то что? Шибко ли дети родителей слушаются?

Тонким ручейком потекла молодёжь из Сосновки в город за длинным рублём, образованием и удовольствиями. Старики и молодёжь, что остались в деревне, по привычке, пахали, сеяли, косили, не жалея горба своего.

– Скажи-кось, Иван Пантелеймонович, – пытала Аксинья председателя колхоза, – пошто храм закрыли, батюшку обидели? Разве это по-человечески, разве по-божески?

Председатель хищно щурится, будёновский чёрный ус кверху закручивает.

– Шо, тётка, боисся, шо твоего Бога без жилплощади оставили? Ха-ха! Молись хоть во чистом поле, коли Бог твой вездущ. Али нет?

– Верно! – поддакивает председателю молодая да наглая деваха из агитбригады. – Пора заканчивать с пережитками прошлого! Мы построим новый мир, как завещал великий товарищ Ленин!

Павка с горечью видит, как мать, сгорбив плечи и покачивая седой головой, едва волочит ноги в сторону дома. И хотелось ему в этот момент остановить, вразумить безбожников, да разве обухом топор перешибёшь?..

– Давеча бабы у колодца сказывали, – Аксинья утирает глаза кончиком платка, – в городище-то иконы пожгли! Ага, как есть – пожгли, ироды. Свезли с окрестных деревень и... Как рука-то поднялась? И Спасителя, и Богородицу нашу, и Николая Чудотворца... А в Петровке, сказывали, даже позолоту с крестов сняли. Прости, Господи, не ведаем, што творим!

Пашка в порыве душевном клал свою ручищу на сухонькую руку матери, стесняясь проявления чувств.

– Ну, буде тебе, буде...

За последний год, как подались в город Карп с Анфисой, Аксинья сильно сдала, словно потеряла опору под ногами. От природы сухощавая и лёгкая, она стала походить на былинку. Дунь ветер – сломается. И если бы не поскрёбыш Пашка, да вера в Господа, неизвестно – откуда бы ей черпать силы телесные и душевные...

Павлу снится странный сон: будто идёт он вдоль околицы Сосновки, а вокруг – черным-черно, ни проблеска огня, ни живой души вокруг. Решил Павел постучать в окно соседней избы. Тихо так постучал, осторожно... А в окне вдруг рожа чёрта нарисовалась! Бросился Павел к другой избе, снова постучал в окно, и снова глянула на него морда бесовская, шерстью поросшая, страшная, а в глазах – огонь красный горит! И такое зловоние вокруг, словно кто яйцо несвежее разбил, или мясо мертвяка разделал, или серу разлил. Вскрикнул Павел от ужаса и проснулся.

– Ты, Павлуша, портки-то надень, да выдь на крыльцо, – Аксинья ласково погладила сына по взлохмаченным волосам. – Приснилось чаво плохое?

– Што случилось, мама? – сбрасывая остатки сна, спросил Павел.

– До тебя председатель пожаловал, а с ним ишо мужик незнакомый в галифе, с наганом на боку. Не к добру это, сынок, чую, не к добру!

Павел враз проснулся, больно ударившись о притолоку, толкнул входную дверь.

– Шо, паря, не ждал? – Иван Пантелеймонович, сидя на дубовой колоде для колки дров, закручивал сигарку. – По делу мы к тебе.

Рядом, прислонясь к ограде палисадника, стоял незнакомый мужик в чёрном френче, шароварах-галифе, с портупеей на боку. На голове – фуражка с околышком. Лицо красивое, холёное, в глазах – темень непроглядная.

– Вот, товарищ из области прибыл по делу.

Павел чуть заметно кивнул головой.

– Заходите в хату.

– В другой раз, – председатель встал, подошёл вплотную. – Завтра ждём тебя, Павел, Михайлов сын, подле храма. И шоб в семь утра – как штык!

– По какому делу?

– Купола сносить будем, распоряжение такое из области пришло.

Павел оглянулся на товарища – тот многозначительно дотронулся до кобуры.

– А ежели не приду?

– Приговор себе подпишешь, – председатель сплюнул под ноги. – Всех мужиков, кто посправнее в деревне остался, собираем. Потому как в храме, по распоряжению Советской власти, будет теперича зернохранилище. Усёк?

Павел промолчал.

– То-то же! Ты у нас хлопец дюжий, справный. Вот таким, как ты, и доверяет Советская власть это важное дело. Айда, покуда примеримся – шо да как...

На негнущихся ногах Павел побрёл за председателем и мужиком, так и не вставившем ни единого слова в разговор...

Храм, воздвигнутый в честь Николая Чудотворца, стоял на самом видном месте, на пригорке, в обрамлении кустов сирени и черёмухи. Позолоченные маковки блестели в лучах летнего солнца. В синем поднебесье носились острокрылые стрижи. Пахло свежей молодой травой и первыми летними цветами – ромашками, колокольчиками...

Павел остановился, как зачарованный. В этом храме его крестили, здесь он много раз причащался и исповедовался. И вот теперь он, Павел, Михайлов сын, должен приложить свою руку к уничтожению святыни, снести напроочь колокольню, покрыть в несколько слоёв известью намоленные изображения Святых, Ангелов и Архангелов. Павел представил, как под натиском нескольких мужских рук, покатаются, словно головы с плеч, золочёные купола...

Подле храма уже толпились несколько сотоварищей – Пётр Усов, Фаддей Игнатьев, Григорий Темников... Вместе прикинули – какой высоты понадобится лестница, сколько метров верёвки, как и с какой стороны ловчее приспособиться...

Павел задрал голову – над ним проплывало маленькое пушистое облачко. Вдруг на правую руку, словно из ниоткуда, упала небольшая щепочка. Будто кто-то, невидимый глазу, отщипнул от дверцы в Поднебесье малую толику и сбросил вниз.

Павел повертел в руках находку – щепка, как щепка, ничего необычного...

Они ещё немного потолклись с мужиками у храма, договорились – кто какой инструмент принесёт на завтра...

По дороге домой Павел раздумывал: «Когда же выздоровеет душа человечья? Когда, наконец, прозреет?» Вспомнился давешний страшный сон, и Павел снова почувствовал (или ему показалось?) как в воздухе разлился тошнотворный запах тухлых яиц...

– Пошто тебя председатель звал? – обеспокоенно спросила Аксинья.

– Купола с храма сносить будем. Сказывают, хранилище для зерна будет, а, можа, клуб сельский. Ишо не решили до конца.

Аксинья беззвучно заплакала:

– Вечерять будешь?

– Сыт я.

Павел повалился на полати, как подкошенный...

Проснулся он посреди ночи от жуткой боли – правая рука горела адским огнём. Павел засветил лампу, поднёс руку к огню. Её разнесло так, что казалось – красная, воспалённая кожа вот-вот треснет!

– Ой ты, Господи! – подхватила Аксинья. – Шо же это за наказание такое?

Павел пожал плечами, поспешил к рукомойнику, окропил руку прохладной водой. И тут вдруг вспомнил, что именно на это место упала щепка! Неясная догадка осветила лицо Павла: неужто это во благо? Неужто в этом – его спасение? Дивны дела Твои, Господи!

Павел счастливо заулыбался, прошёл в переднюю, к образам, сложил пальцы в троеперстие.

– Благодарю, Отче наш! Во имя Отца, и Сына, и Святаго духа...

Всю ночь Павел с Аксиньей не сомкнули глаз. Павел не решил матери ни притрагиваться к руке, ни лечить его.

– Может, рожа? – гадала Аксинья. – А может, ушиб где, да не сказываешь?

Но Павел молчал, только лишь загадочно улыбался...

Как и было сговорено заранее, он пришёл утром к храму в назначенный час.

– Вот те на! Рожа али гангрена? – гадали товарищи. – Ишь ты, как руку-то разнесло! Ты до бабки Матрёны сходи, авось поможет. А мы тут сами как-нибудь справимся.

– Непременно до Матрёны дойду. Болит шибко, всю ночь глаз не сомкнул.

Павел спустился к ручью. Вода в роднике – холодная, прозрачная. Вку-уусная!

Он зачерпнул пригоршню, поднёс к губам... Как славно всё разрешилось! Как же хорошо! Не пришлось Павлу мараить рук своих, а главное – душу свою. Не может русский человек жить без веры, иначе легко может ввергнуть себя в глубокую бездну. Ибо для русского существуют две крайности – возвыситься или пуститься во все тяжкие.

Третьего не дано.

Илья Криштул
Лауреат 3-й степени
ЗУБНАЯ ЩЁТКА

Зубная щётка уже давно привыкла к одиночеству. Она даже научилась находить преимущества в такой жизни – во-первых, просторный пластиковый стаканчик без соседей, пусть не очень чистый, но она же понимает, что Хозяин мужчина и не знает, что там смертоносные микробы на дне заводятся... Во-вторых, зубная паста только для неё одной – часто, конечно, засохшая, ведь колпачки у этой породы людей всегда бесследно исчезают... Она вообще подумывала, что и весь ванный мир принадлежит только ей, хотя там жили ещё бритва, одеколон, мыло и полотенце, но эти предметы не часто, но менялись, а она была долгожительницей. Да что говорить – зубная щётка пережила даже крем для рук, вместе с которым здесь и поселилась!

Подруги, правда, у неё изредка появлялись – розовые или беленькие, с яркими разноцветными щетинками, а одна, вся в блёстках и с красивой надписью, продержалась около месяца. Хозяин по утрам смотрел на них хмуро, доставал из стаканчика и забывал ставить обратно, а иногда просто забирал и уносил куда-то в сторону кухни, где, наверное, находился рай зубных щёток. А с той, которая в блёстках была и с надписью, Хозяин вообще некрасиво поступил – взял, ботинки ею почистил и в раковину бросил. Потом какая-то девушка вся в слезах забежала, схватила её и исчезла навсегда. Зубная щётка даже всплакнула, так жалко было расставаться...

И снова наступало одиночество. Были и сложные времена – как-то вечером, например, на полочке вдруг появилась надменная и пафосная электрическая зубная щётка,

а долгожительница отправилась в тёмный шкафчик, где и проплакала недели две рядом с новой, но совершенно невостробованной пилочкой для ногтей. Пилочка её успокаивала, просила потерпеть, приводила в пример себя, свою никому ненужность в этой жизни, говорила, что это всё временно, что Хозяин побалуется электрической и вернётся к ней, к испытанной старой щётке. Так всё и вышло – она вернулась в свой стаканчик, а электрическое чудо отправилось в тёмный шкафчик к пилочке.

А как-то к ней в стаканчик подселилась очередная беленькая подружка, и зубная щётка почему-то сразу решила, что это надолго. Вскоре им поменяли стаканчик с пластмассового на керамический, зубная паста теперь была всегда закрытой, а вокруг появилось много разных интересных предметов непонятного предназначения. Подружка постоянно менялась – то она была беленькой, то зелёнькой, то худой, то полноватой, но Хозяйка у неё была одна и та же. Хозяйку, кстати, зубная щётка побаивалась – пару раз эта девушка пыталась отнести её на кухню, но выручал Хозяин, отнимал, ругался, подравнивал маленькими ножницами щетинки, мыл и ставил обратно в стаканчик. И подружкина Хозяйка смирилась.

А через много-много дней, после страшного и пыльного ремонта их ванного мира, который они пережили на кухне, к ним в стаканчик неожиданно пришла маленькая и забавная зубная щёточка с рисунком котёнка на корпусе...

Щёточка эта росла, меняла цвета и рисунки, пользовалась сначала только детской зубной пастой, потом перешла на взрослую, была очень сообразительной, никогда не выскальзывала из ладошки своей Хозяйки и очень быстро стала большой. И её милая Хозяйка выросла, и однажды забежала, счастливая, в ванную, схватила свою щётку и

пропала. Они расстроились, конечно, сильно, но погоревали и снова стали жить вдвоём, как прежде. Хотя по маленькой и забавной зубной щёточке очень сучали...

А потом исчезла Хозяйка её подруги... Грустный поставивший Хозяин заходил в ванную, но зубы не чистил, просто смотрел в зеркало и уходил. А как-то вечером зашёл, взял щёткину подружку, постоял и ушёл вместе с ней на кухню. Зубная щётка поняла, что Хозяйка больше не появится, и её подруга отправилась в рай...

Вскоре в ванной, рядом с её керамическим стаканчиком появилась простая кружка, куда хозяин на ночь клал зубные протезы. Зубной щёткой он пользовался уже редко, но она не огорчилась – чистить протезы было совсем неинтересно. Да и Хозяин стал уже не тот – руки у него ослабели, умываться он почти перестал и частенько забывал, зачем нужны эти искусственные челюсти. А потом он вообще прекратил заходить в ванный мир. Женщина какая-то заходила, но очень редко и только для того, что бы помыть руки.

Так и жили они – зубные протезы в кружке без воды и высохшая старая зубная щётка, которая уже не знала, зачем живёт.

А через время в их ванном мире последний для них раз зажётся свет. Зашла бывшая Хозяйка маленькой зубной щётки – она изменилась, потолстела и подурнела, но зубная щётка её всё равно узнала – по голосу. «Дай мне пакет!» – крикнула она кому-то, и ей протянули пакет для мусора: «Тут хлам один...»

Честно прожившая свой век зубная щётка не обиделась, что её называли хламом. Она уже всё поняла и тихо радовалась предстоящей встрече со своими подружками. И с той маленькой и забавной зубной щёточкой... С рисунком котёнка на корпусе.

Ирина Петрова
Дипломант
БАЮЧКА БОЯЗКИНА

А ты боязку-то не боиссь. Она всегда будет. Колючим солдатиком приставлена, сторожит-оберегает, потрясывает. Службу-недружбу вынашивает, скотинка служанкина, куда ж ее выгонешь.

Трудновыносимо, говоришь? Ага, так.

Середёнку жамкает, коленки заворачивает, боязка эдакая, грудь кулачным боем стучает, в животе минами взрывается. Ты ее не пускаешь, хорохоришься, а она набок валит, трясучку накидывает, поди удержишься! Окаянная да потная, боюссина-несуссина.

Вот, думаешь, в колыбельку б юрк, а лучше б к маме в животик упрятаться. Насовсем и верно. Ан фи-к.

Жизнекрутилка толкает, живи, мол, не трусь. Попыхаешь малость, да дальше ползёшь, ковылкаешься. Боязку под мышку и айда передом. Поделом да пуром.

Пробьемся да справимся, вот и песня вся. Юк-юк!

БАЮЧКА БОГОВАТИНА

Боговатушка, а ты со мной?

Слезариками как-капелью мокрюсь, переживалку мягкую укутываю, истончилась она, сердешная. Маяться беспомощно устала уже, пыжилка кончилась. Как жить-быть ответы искала-копала, умноту слушала-читала, людей разнокалиберных спрашивала. Зря все. Только силы тратила, да переживалку расковыривала. Нет их, ответов тяжеленьких. Дымчатые приходят, но улетают быстро.

Вот тут про Тебя и вспомнила.

Солнышко же работает, по расписанию обычному, значит и у Тебя все в порядке.

А ты со мной? Да?

И даже когда я про Тебя забываю? Тоже со мной?

Взаправду? Честно-честно?

Ах, вот как, оказывается.

Ну, ладно-ладно, проверялку заторможу маленько, пусть остывает.

Антенки-ангеленки лучше пойду почищу. Почищу ладошками, ресничками повыхлопую, пусть засверкаются, шевелялкой заколышатся, запереливаются.

Авось и в меня перельется мирра Твоя.

Пусть так.

Я с тобой, Ты со мной.

Теперича вместе мы, Боговатушка ты мой.

БАЮЧКА А-Я-ЯЙКИНА

А заберите у меня эту А-я-яйку кто-нибудь? Может, кому надо? Даром отдам. Замучила меня осуждалка стыдучая, куда не пойду – за мной тащится, ворчит, бубнит, оценивает. Всех распугивает, фыркает да ругается.

Губы скривит, руки в боки и давай: А-я-яй! А-я-яй! Как ни стыдно! – балалает, пальцем в небо потрясает, что не так вынюхивает, свои правды втюхивает.

Я-то знаю, – говорит, – я-то лучше, – говорит, а вы все дурачки глупенькие.

Я ее пихаю в бок, ватой затыкаю рот – уходи, не позорь, от твоих слов на языке мозоль. Ты же не Бабайка, а простая А-я-яйка всем недовольная.

А она шипеть продолжает, на нервах играет, пальчиком машет, кулачком маячит, – не уйду, пока не засужу, не до-

ждетесь! Обесценю, обвиню, недостатки укажу. Мозги вам вправлю, исправлять отправлю.

Вот ведь какая А-я-яйка приставалка бабайкина!

В домике от нее скроюсь, одеялом накроюсь, глаза зажмурю, брови нахмурю – видишь, нет никого, сплю же я, не трогай меня.

А она и тут умудряется, во внутрь мою пробирается, на грудь давит, глазищами буравит, горло душит, пальцами паучит. Палки-воспоминалки гнилые да поганые в мою мыслетопку злорадно подкидывает. Крутит, мутит, А-я-яйка приставучая, мозговые извилины мои закручивает. Так тебе и надо, – приговаривает, – вот такая ты сама нехорошая.

Я ночами маюсь, слезами омываюсь, выдохнуть стараюсь, а под утро раздваиваюсь, расстраиваюсь, на крошечки рассыпа-ю-ю-сь.

И если не просыпаюсь, потихонечку каюсь. Голову склоняю, послушно киваю, простить умоляю. Раскланиваюсь, раскаиваюсь, отпустить прошу, успокоить молю – пусть прощевай, поскорей освобождай!

А она рычит, огрызается, за горло мое хватается, задушить порывается. Вот такая-расстакая бабайка озлобленная.

Только солнышко поднимается, с горечью понимаю я, одной мне не справиться.

Боговатушку зову, тихо помощи прошу.

– Может, заберешь ее, неугомонную, у себя за пазухой пригреешь, окаянную? Не могу с ней справиться, одолела меня суровая.

Боговатушка в ответ улыбается, а у меня от этого все внутри расслабляется.

Слышу, как с нежностью обращается:

– А-я-яйка, подружайка моя, дружелюбочка, вот тебе юбочка голубочка, вот тебе платьице ситцевое, будет долго красивым носиться. Приходи, меня обними, я тебя добром укрою, в теплом месте устрою, там ты вскоре и успокоишься.

Затихла А-я-яйка, призадумалась, осторожно за пазуху к Боговатушке сунулась, осмотрелась, повертелась и шмыг вовнутрь. Юрк, прыг, нырк – и нет ее. Спряталась.

Вот и славно, что она Ему сдалась, очень я этому обрадовалась!

Протягивает Боговатушка мне ладонь, льется из очей его мягкий светоогонь.

Вопрошаю его как дитя:

– А как же я?

Отвечает мне бесконечная глубина:

– Прощена!

Как приходит каждый год весна, так и ты навсегда прощена. Сполна.

Прощена, защищена, проповедана, милостью моей заповедана.

Живи не страдай, почаще радочку призывай, любовату мою принимай и добро вспоминай.

Марина Яковлева
Дипломант
МЫСЛИ

– Мысли, мысли. Пусто. Почему нет ни одной идеи? Почему нет ни одной мысли? Мысли, мысли. Где вы? Куда спрятались? Куда улетели? Где вас искать и как ловить?

Откуда берутся идеи? Слово. Фраза. Целая строчка или полноценное произведение. Откуда все это?

Ночь. Ночь. Ночь.

Темная ночь. Она окутывает чем-то совершенно непонятным, непознанным, но ощущаемым. Для кого-то ночь это время сна, но разве можно спать ночью, когда просыпается все самое загадочное. Нет-Нет. Спите. Чем больше людей будет спать, тем тишина будет тише. В этой тишине сосредоточено самое большое скопление мыслей, идей и тем.

Сколько еще мне метаться по комнате? Выйти в коридор, пройти на кухню, зайти в гостиную, там нервными шагами добраться до большого окна. Гардины скрывают реальность. Нужно открыть окно и впустить новую энергию. Да, так лучше.

– Ну же, прохладный ночной воздух, освежи мою голову. Я даже закрою глаза и... Ничего не чувствую. Пустота.

Закрыв окно, кажется, будто пропала связь с внешним... Чем? Миром? Нет. Но с чем тогда?

Снова кабинет, наполненный тусклым светом. Удобное кресло, купленное на окраине города у старого антиквара, стол – достаточно большой из прочного темно-коричневого дерева, не помню название, современный стол и старое кресло, как же они сочетаются друг с другом. Нико-

гда не думала, что прошлое впишется в настоящее. А настоящее, оно есть? Момент.

Почему я думаю об этом? Нужно сосредоточиться на теме, идее, поймать одно единственное слово, нужное, важное, и тогда спаяется цепочка из слов и предложений, абзацев, страниц...

– Да что же это такое? Ничего интересного в голове, только дурацкие размышления. Спать.

Почему, когда включаешь воду в душе, она первые пару секунд холодная, а потом постепенно приобретает приятную для кожи температуру? Я знаю ответ. А ведь со словами так же. Холодное, пустое слово постепенно теплеет, и ты принимаешь его за что-то важное. Главное – слишком сильно не выкрутить кран, а то обожжешься или тело обдаст ледяной поток, приводящий в чувства или в шок.

Полотенце, пушистое, прекрасно впитывающее влагу. Нежное хлопковое белье, подушка, на которой голова отдыхает, и шея расслабляется. Где я ее купила? Вспомнила – большой магазин, я ездила за полотенцами, а купила подушки. Девушка так нахваливала новинку, и я поддалась, и нисколько не жалею.

– Да что я о подушках? Где взять новую тему для книги? Хотя бы для рассказа. Мини-рассказа. Одно предложение. Я согласна на одну строчку. Затишье длилось слишком долго. Нужно выходить из этого состояния воронки. Я кручусь в ней уже некоторое время. Миксер. Нужно купить миксер. У меня сломался миксер.

– Ужас. А чему я удивляюсь? Все закономерно. Логическая цепочка. Когда включаешь миксер, его содержимое крутится, образуя воронку, я в воронке, отсюда мысль о сломанном агрегате. Спать. Завтра снова крутиться.

Когда я закончила очередной роман, надеялась сразу взяться за написание нового, но погрязла в повседневной суете. Или таким образом я сама себя спасаю от бездействия, потому что не было подходящей темы? Я заполнила пустоту. Да. Так и есть.

– Я не знаю, как выглядят созвездия, кроме Большой и Малой медведицы. В окне видны звезды на темном небе. Мне кажется – это хаос из блестяшек, а люди по какой-то причине образно соединили эти точки в какие-то фигуры и дали им названия. Полярная звезда – это ориентир. О, о, о! Ничего не помню уже. Я ведь мечтала стать астрономом. Теперь я пишу. Зачем? Иногда я считаю свою писанину полным бредом, иногда я в восторге. Все зависит от восприятия.

Воспоминания перескакивают с одного события на другое. Детский сад, затем школа. Институт. Бессмысленная трата времени. И тяга к писательству.

Снова одна мысль цепляется за другую и приводит совершенно не к тому результату. Хватит! Спать!

Утро! Прекрасное, солнечное утро!

– Привет. Уже встала. Решу в течение дня. Да, работаю, настроения нет. Бывает. Завтра все пройдет. А вы как? Нормально? Хорошо.

Мама. Как всегда – со своими нравоучениями. Должна, не должна.

– Привет. Как ты? Хорошо. Ничего не хочется делать. И тебе? Значит, я не одна такая. Идей нет. Мыслей нет. Вчера полночи думала о всякой ерунде. Ты тоже? Рада была тебя услышать. Созвонимся.

Подруга. Сколько же лет мы общаемся? Как давно это было. Знакомство. Почему люди приходят в твою жизнь и уходят, и лишь единицы остаются надолго. Для опыта,

для развития. Если бы земля не вращалась, то не было бы... жизни. Как же коротка жизнь. Хочется увидеть будущее...

Мне нравится мой кабинет. Нравится пить кофе. Кого-то он наполняет энергией, а меня расслабляет. Я наслаждаюсь. Особенно первым глотком. Эти первые глотки всегда одинаковы, вызывают одинаковые эмоции, но мне никогда не надоест их испытывать. Секунда удовольствия, растекающаяся по всему телу, согревающая все внутри. Экстаз. Я умею наслаждаться моментом.

Уже вечер! Книга оправдала мои ожидания. Автор великолепен. Много ли найдется людей, предпочитающих такие произведения или похожие? Не думаю. Большинство читает... Откуда я знаю – что читает большинство? Хотя, мне нет дела до этого. Вкусы у всех разные. Но хорошая литература воспитывает вкус, формирует личность. Книги заставляют думать. Я слишком много думаю. Меня интересует многое. У меня слишком много вопросов. Я ищу ответы.

– Жарко сегодня. К вечеру станет прохладнее.

Все окрашено в яркие краски. Но... поутру на землю ложится нежное кружево, сотканное из тумана. Шантильи или Бруггское. Полупрозрачное или густое белое. Медленно плывет над равниной, заботливо окутывает лес, стелется над рекой. Тот утренний туман приносит спокойствие, и такая тишина вокруг, что слышно, как он прикасается к еще нераскрывшимся бутонам, к нежной листве, шершавой коре деревьев, как скользит по зеркальной глади. Природа словно застыла, и туман осматривает свои владения перед ее пробуждением, или это ритуал, возвращающий в реальность все живое. Есть ли другая цель у тумана? Природа в страхе замерла, туман-

злодей, несущий в себе чудовищного монстра, прячущий от глаз зло, или по ночам выползают монстры, устраивают шабаши, а туман напоминает, что их время вышло и им пора возвращаться в свой мир. Туман предупреждает «нечисть» или собирает ее.

Прекрасная погода, а я о мрачном. О чудищах.

Уже несколько дней пасмурно и временами идет дождь. Самое время грустить. Влажный воздух. Чистый. Свежий. Когда идет дождь, небо плачет или смывает все плохое?

Где-то там, сотни лет назад, в совершенно другом мире, две одинокие души встретились. Случайный взгляд и сердце отдано на веки. Судьба связала прочной ниткой и постоянно проверяет любовь на прочность, испытывает. Странное чувство – любовь. Возникает неожиданно, исчезает постепенно. Растворяется, как туман.

– Что же я все о тумане?.. Почему в голове навязчиво вертится это слово, и сразу рисуется живой образ?

Кто решает, что люди должны быть вместе? Кто принимает такое решение? Кто вплетает в узор жизни родителей, друзей, знакомых, врагов и возлюбленных? Люди – нитки для плетения кружев. Кружево – жизнь человеческая. Чтобы получился узор, нужны нитки. И, конечно же, профессионал, который вяжет этот узор. Вот только профессионалов мало, скорее, есть ученики, любители, дилетанты, и есть те, кто не владеет этим мастерством, те, у кого узор получается, мягко говоря, не узор вовсе, а ком чего-то непонятного, даже гадкого и мерзкого.

Сон – это мое прошлое, постоянно напоминающее о себе...

– Да, здравствуйте. Да, сейчас приеду. Спасибо.

Жаль, звонок прервал ход мыслей. Теперь и не вспомню – что же я тогда хотела донести до самой себя в своих

размышлениях. Действительно, странно, некоторые мысли задерживаются в голове, а некоторые пронеслись мимо и забылись, но от этого осталось неприятное чувство.

Небо все еще серое.

У грусти есть два лица. Маска, скрывающая правду, печальные глаза, натянутая улыбка, а в душе водопад слез. У грусти есть два лица. В пустой комнате вести беседы с одиночеством. Взгляд, устремившийся в бездну. Душу обнимает серая осень. Холодные пальцы прижаты к бокалу. За окном дождь или снег. У грусти есть два лица. Защитная маска, тонкая, как вуаль, хрупкая – как стекло.

Что за чушь? Странное состояние. Ничего нет, а потом это. Неожиданная мысль, строчка, предложение. Раньше ко мне приходили новые темы, когда я размышляла о чем-то, а теперь... Мне кажется, эти строчки... Не знаю. Как стрелы купидона. Последнее время все чаще и чаще неожиданно появляется в голове. Я заметила, что некоторые я не успеваю поймать, они словно предназначены не мне, проносились мимо и случайно задели меня, они не цепляются за мою память, поэтому я их ощущаю, но не запоминаю.

Снова ночь. Совершенно нет сна.

Глубокий вдох. Глаза закрылись. Ощущаю странный холодок. Я стою посреди комнаты и не могу пошевелиться, не хочу. Или боюсь спугнуть то, что сейчас надо мной. Нужно открыть глаза. Но я знаю, кроме знакомой обстановки, я ничего не увижу, значит, то, что сейчас происходит, отражение моего настроения. И оно такое.

На улицу. Я хочу выйти на улицу. В данную минуту я словно нахожусь в клетке, в заточении и хочется вырваться на свободу. Стены душат, давят. Как? Это ведь мой люби-

мый дом, мне в нем спокойно и комфортно. Нет. Нужно выйти. Воздуха не хватает. Что происходит? Скорее.

И снова глубокий вдох. Еще. Все хорошо. Устроиться поудобнее в плетеном кресле и расслабиться. Это все нервы. Я постоянно думаю, даже во сне. Ищу что-то новое, интересное. Жду с нетерпением. Устала. Какая тишина. Небо усыпано звездами, их не видно, они скрыты густыми тучами или облаками, но я знаю – они там. По географии изучали. Атмосфера, литосфера, стратосфера. Это все, что я могу вспомнить. Облака в какой из них? Наверное, в атмосфере. Какой-то ученый предполагал, что нас окружает энергия. Кажется, Тесла. Он говорил о существовании некоего ядра, где обитают мысли. Нет. Знания. Помоему, так он утверждал. Интересно, есть слой, отвечающий за идеи? Если верить словам ученого, то, скорее всего, есть.

Мир загадочный и нет ответов. Но фантазия безгранична, у нее нет предела.

А мысли, мысли где-то там, далеко и в то же время совсем близко...

Виолетта Минина
Дипломант
ДОБРОЕ УТРО

Махмед Агыдоев пил кофе из пластикового стаканчика. Перетаптываясь с ноги на ногу. Чёрная вязаная шапочка съехала набок, а из-под неё выглядывали покрасневшие уши, как две половинки румяной лепёшки из тандыра. Тонкие штаны-треники и кроссовки знаменитой фирмы не спасали от холода. Покупал-то вроде как зимние!

Изюм валили белые густые клубы пара. Кофе был горячим, но невкусным. В другой раз Махмед бы его выбросил, но сейчас приятно чувствовал, как горячая струя стекала по пищеводу прямо в желудок. И ему становилось хорошо, несмотря на то, что всё вокруг складывалось не так уж прекрасно, как он рассчитывал изначально.

От теплоты кофе Махмед шурился, и его без того узкие глаза превращались в маленькие щёлочки. Щетинистое лицо расплывалось в улыбке. В этот момент он напоминал кота, гревшегося на солнце. Хотя солнца не было и в помине. Тут вообще редко бывало солнце, в этом сером городе с широкими улицами и большими домами. И люди здесь были какие-то бледные, неулыбчивые. Пахло чем-то неродным... но чем – так сразу и не понять, городом, что ли?

То ли дело в его родном кишлаке! Махмед вспомнил мамину самсу, виноград у дома, прозрачный, медовый, напитокный узбекским летом. Сочные, ароматные дыни. И бабушкины руки, морщинистые, ласковые, такие тёплые.

– Дяденька, а можно мне изюма и орешков?

Махмед вздрогнул от неожиданности и чуть не расплескал остатки почти остывшего кофе.

Девчушка лет восьми протянула ладонь, а в ней – смятая купюра и несколько монет. На голове у неё – огромная белая шапка с ушами, как у зайца. Розовые щёки. И такие большие голубые глаза! Прямо, как его небо на Родине.

– Пташка моя, ну, конечно, можно!

Махмед засуетился. Взял совочек и отмерял на весах небольшую кучку фундука.

– Что же ты так рано? Семь утра всего. Выходной. Спят ещё все.

– А вы-то ведь не спите!

– Я-то – нет, – Махмед даже обрадовался, что он теперь не один в это серое утро. – А ты где живёшь? Где твои мама-папа?

– А я прямо тут, в соседнем доме, который розовый, у школы, – девчушка махнула варёжкой на ближайшую высотку. – Мама с папой ещё спят. У них сегодня день рождения! Я им сюрприз готовлю! Буду пирог печь, как меня бабуля научила.

– Ух, ты! Сама?

– Ага! – девочка с гордостью поправила шапку и приосанилась. – Я ведь уже большая. Мне почти девять.

– А день рождения – вот так сразу у обоих?

– Ага! А ещё у нашей кошки Мушки. Только она пироги не ест, – девочка рассмеялась. – У нас дома сегодня целых три Мухи-Цокотухи! И один Комарик, который всех спасёт. А то кто им праздник-то устроит?

«Какое светлое и тёплое утро», – подумал, улыбаясь, Махмед, глядя вслед убегающей малышке.

Василий Нестеренко
Дипломант
ДОЛЖОК

Если мы находимся внутри одной большой компьютерной игры, то нам должны начисляться очки. Деньги. Но что для этого должны делать мы?

Мне было девять лет, когда жарким летним полднем в мои руки попала целая пачка советских денег. Её обронил высокий слепой фронтовик в хромовых сапогах и с тросточкой. На противоположной стороне улицы, где через несколько лет возникнет центральный универмаг, он из кармана галифе вытаскивал носовой платок. Говорят, у незрячих слух острее, но этот лишь вытер пот вокруг чёрных окуляров и, слегка пошатываясь, продолжил свой путь, постукивая палкой о тротуарный кирпич, вкопанный на ребро вдоль бульварной клумбы.

Я с рогаткой, босиком и в чёрных труселях (иных тогда наша промышленность не выпускала) шёл на пляж, но, заметив чужую беду, изменил свой привычный маршрут. Пришлось, перейдя раскалённый асфальт, догонять инвалида, чтобы вручить потерю. Тот судорожно стал пересчитывать, даже не сказав «спасибо». Мне показалось, что дед сейчас выронит от волнения трость и ему не на что будет опереться. Поэтому я приостановился, чтобы подать, если что. Но тот уже контролировал ситуацию и что-то бурчал себе под нос, прижав палку под мышкой культёй левой руки.

А днём позже в магазине «Детский мир» я украл один рубль, пока мой взрослый кузен Миша Попов, художник-рекламист кинотеатра «Ударник», трогательно заигрывал с очаровательной продавщицей. Я как бы выпал из

поля их внимания. Моё же внимание привлекла жёлто-коричневая бумажка нового образца (1961-й год, денежная реформа), слегка придавленная пластмассовым пупсом в открытой витринке. И я сделал всё чисто. Маме объяснил появление карманных денег тем, что получил награду от обрадованного пенсионера. Папа похвалил меня за благородный поступок.

Но история с рублём не окончилась. Спустя несколько лет, уже в восьмом классе, ко мне зашёл в гости в отсутствие родителей ухаждёр моей старшей сестры Сергей. Молодой силач, поиграв со мной в настольный баскетбол и послушав битлов с пластинки, нарезанной на использованном рентгеновском снимке, остался доволен визитом и предложил в долг один рубль, хоть я и не просил.

– А когда вернуть? – я весело выбрал из предложенного веера одну банкноту.

– Когда будут лишние, тогда и вернёшь, – отмахнулся гость.

Хрустящая бумажка быстро растворилась в радиодеталях, дефицит которых мной, юным радиолюбителем, ощущался постоянно. Через месяц мой кредитор подловил меня возле дома и злобным голосом напомнил: «Даю тебе два дня». А на третий я получил в челюсть. Не сильно, но увесисто. Этот уличный босячок надеялся, что я буду жаловаться на обидчика своей старшей и единственной сестре, и та, спасая брата, пойдёт к нему на встречу. Уж очень он безрезультатно и долго обхаживал красотку.

Но, к счастью, у меня были два друга-одноклассника: Илья и Сашка. Первый – богатенький буратино. Его папа торговал вином на городском рынке от колхоза «Победа». Саша перезанял мне рубль, и мы отдали жлобу долг в тот же день.

– Научим Пантелея деньги делать? – тряхнул кучеряшками коренастый Илья, обняв меня и Александра.

На следующий день пришлось убежать с уроков труда с моими защитниками к шпане в парк, чтобы посмотреть, как играют в карты на деньги. Игра называлась тринька. Моих ежедневных пятнадцати копеек от мамы едва хватало на пять минут игры. Но и здесь выручал один из друзей (что побогаче). Он был огненно-рыжей масти и мечтал, чтобы его звали «Огонёк». Но кликуха «Рыжий» прилипла сама, не спросив разрешения Александра. В карты Алекс играл виртуозно.

Дело было в комсомольском лесопарке. Я сидел под левой рукой Сашки и срезал колоду в нужном месте специально отращенным ногтем большого пальца. А он помогал мне делать ставки, даже когда у меня кончались деньги. Затем мы и вовсе стали играть с ним в один носок. То есть, во время игры все сидели прямо на земле, и смятые бумажные деньги заталкивались в носки. Так было удобнее не только контролировать ситуацию в игре, но и маскироваться от ментов в случае шухера. Длинные брюки клёш надёжно скрывали игровые вещдоки.

К нам в круг иногда подсаживались поиграть каменюшники. Самым денежным был Бауэр – бригадир хозрасчётной артели каменщиков открытого карьера. Он играл в буру и очко на «шалбаны». Деньги с проигравших не брал, но за каждый проигранный ему рубль бил в лоб юноше щелчок. Однажды он нам с Александром проиграл 200 рублей. Это большие по тем временам деньги (1968 год). Естественно, мы повели его в кабак. Помню, к нам тогда присоединился авторитетный вор Володя Чубатый – он недавно «откинулся» из очередной ходки.

В ресторане «Бригантина» для нас пел «под Магомаева» будущий солист «Песняров» Виталик Лохмоткин по кличке «Робертино». Он был ещё и прекрасным бильярдистом. (Мы к тому времени стали заходить в «кузню» – так называлась городская бильярдная, где собирался весь бандитский бомонд города). Там мастера экстра-класса «раскручивали» в «американку» моряков-загранщиков, прикидываясь новичками.

И вот, когда выпивка, купленная за выигранные у Бауэра деньги, стала заканчиваться, Чубатый пригласил на состязания по армрестлингу двух молодых офицеров-авиаторов из-за соседнего столика. Этот удивительный человек состоял из одних сухожилий и давал фору любому, кладя свою руку до высоты спичечного коробка. Тем не менее, он всегда выигрывал. А тогда – за пятнадцать минут – почти три сотни. Парни вертолётного полка явно сорили своими деньгами, добытыми военным ремеслом и риском. Но в милиции давно знали, что, если вино-водочный магазин обворован через раздвинутые с нечеловеческой силой решётки, то это дело рук авторитетного вора по кличке «Чубатый». И в армрестлинге ему тоже не было равных.

Моё тогдашнее увлечение красивой жизнью повесы едва не окончилось тюрьмой. Когда Алекс – самый удачливый из нас троих ушёл служить в армию на китайскую границу, мы с Илюхой вляпались в историю. К тому времени я уже учился на вечернем отделении техникума и посменно обслуживал климатическую установку аквариальной АзЧерНИИРО. Это в центре города. В ночную работа такая: кнопку нажал и пошёл гулять через форточку в подвальном помещении.

В тот вечер меня угораздило проиграть свой первый аванс одному из лучших бильярдистов города – Касьяну. Он угостил нас в кабаке, а затем мы, уже в хорошей кондиции, сняли болоньевое пальто с пьяного в умат морячка-загранщика. Вернее, снял со спящего шустрый Илья и вынес мне из неосвещённого подъезда в темноту двора свёрток.

– Тикаем в парк, Пантелей!

В комсомольском парке мы спрятали пальто в воронку и завалили пожухлой листвой. На следующий день Робертино купил его за полсотни. И я смог отдать своей маме сорок рублей уже проигранного мной трудового аванса, что и было отмечено на семейном торжестве. Ведь родители-то были не в курсе моих походов.

Но кто-то в бильярдном мире постукивал не только по шарам, но и в милицию. И вот мы с Ильёй на допросе у дяди Лёни Волкова – участкового «Соляной» – одного из самых бандитских районов.

– Так, парни, выбирайте: тюрьма или армия?

– Дядя Лёня, мы ничего такого не сделали.

Илюха по кличке Ухо умел прикинуться дуриком и давил на жалость.

– А я вам ещё раз говорю: статистику района мне перед пенсией я вам портить не позволю, сукины дети!

– Хорошо. Через месяц вы нас не увидите, – заверил я пожилого капитана милиции.

– А ты, Пантелей, ещё за ту драку мне не ответил!..

Та драка была весной, на проводах друга в армию. Мы пошли искать приключений на танцплощадку клуба госторговли, где тогда играл и пел молодой Юрий Лоза. И нашли-таки – я выбил себе сустав большого пальца о челюсть комсомольского работника, а, пока сидел на нём

сверху, Саша, обознавшись, закатал мне ногой в правую челюсть и свернул прорезающийся зуб мудрости. Все разбежались, когда на узконосой туфле одного из наших босяков вспузырился ещё живой человеческий глаз.

Через месяц в кузне появился невысокого роста молодой одноглазый мужчина. Он очень скоро научился метко закатывать шары в лузы, а попутно обнаружилась утечка информации из нашего сплочённого криминального коллектива. Таким образом, мне пришлось отказаться от возможности окончить последний курс техникума, хотя учёба шла легко и была возможность получить отсрочку от призыва в армию.

Вот так и не состоялся мой диплом о среднем специальном образовании. В итоге – недостача по начислению игровых баллов, т. е. – денег. А ведь всё начиналось с сущего пустяка: одолжил рубль у нехорошего человека. Хотя... я рубль перед этим «испытанием» получил нечестным путём и сам, возможно, лишил другого ребёнка игрушки, того самого пупса, из-под которого стащил отложенные кем-то деньги.

...

На такой простой мысли я и хотел окончить рассказ. Но точка почему-то не ставилась. На днях, проходя мимо церкви Иоанна Предтечи, в которой крестился лет пятнадцать тому назад, я услышал «голос»: «Верни рубль».

Оглядываюсь. Никого. Зашёл, перекрестился, затолкал в ящичек для пожертвований требуемую бумажку, правда, с псевдонимом «гривна». И... буквально через полчаса – звонок: из конторы мне ни с того ни с сего предлагают долгожданный рейс в океан. Да ещё и на инженерную должность. Сегодня, сидя на чемоданах, анализирую ситуацию: «откуда растут ноги удачи?»

Аналогичная история со мной случилась в храме Христа Спасителя в Москве в 2004 году. Я нечасто хожу в церковь. Лишь когда «прижмёт».

Вспоминаются детали. Дело было на день Валентина, 14 февраля. Запутался я тогда в трёх женщинах, как в трёх соснах. Порастратился. Шла вечерняя служба. Народу много. Меня оттеснили к ящику для пожертвований. Вдруг слышу: «Да отдай ты эту бумажку!»

Я слегка остолбенел – со мной разговаривал ящик с деньгами. Он по-дружески предлагал вложить ему в пасть единственную полсотенную, которую я только что одолжил у друга – писателя Виктора Зueva на дорогу в Питер. Электричкой туда стоило 49 рублей.

Не буду вдаваться в детали, но неудачи в те дни буквально преследовали меня. И, отчаявшись, я отдал ящику всё, что имел. Оставалось лишь идти побираться.

Под утро, собирая чемодан в дорогу, а заодно и мысленно намыливая верёвку, внезапно обнаруживаю среди старых сочинских накладных хрустящую «пятихатку». Она бы здесь ещё пару лет провалялась, не окажись я в ситуации. Мне тогда такой фокус очень даже понравился.

Но сейчас... При чём здесь рубль?

И как озарило – вдруг вспомнился этот, пока ещё неоконченный и затерянный среди файлов доски ноутбука, рассказ-откровение о хулиганском детстве. Ведь он, как и многие подобные истории о несостоявшихся надеждах, начинался с украденного будущим неудачником рубля. А чтобы исповедь дошла до адресата, её необходимо было подтвердить материально. Наконец-то у меня появилась надежда, что мой долг попадёт по назначению.

**ПУБЛИЦИСТИКА,
ЭССЕИСТИКА, КРИТИКА...**

Глеб Пудов
Лауреат 1-й степени
О ПОЭЗИИ ЛЬВА ДИНЦЕСА
(На материале венка сонетов «О том, что умерло»)

Крупный ученый-филолог А. Н. Андреев призывал не противопоставлять интерпретацию и научный анализ литературного текста, так как второй «вооружает» первую «методологией, терминологией, принципами подхода к художественному материалу». Предлагаемый ниже текст – именно такая интерпретация, обогащенная средствами и принципами научного анализа. Это то «произвольное фиксирование субъективных эстетических впечатлений, когда ценится не объективное познание закономерностей образования и функционирования художественного произведения, а оригинально выраженное собственное отношение к нему». Иными словами, изложенное ниже лишь частично относится к литературоведению как науке и представляет выражение «собственного отношения».

* * *

В «стилевой многоцветности и полифонизме», которые свойственны русской поэзии, не последнее место занимает творчество Льва Адольфовича Динцеса (1895–1948).

Л. А. Динцес родился в Вильно в семье врача, учился в Киеве, затем переехал в Ленинград. Здесь он работал в Государственной академии материальной культуры, Музее антропологии и этнографии, Русском музее. О последнем следует сказать особо. Лев Адольфович работал в нескольких отделах музея, был большим знатоком живописи и графики. Особенно важную роль Л. А. Динцес сыграл в истории отдела народного искусства. Он стал фактическим осно-

вателем этого музейного подразделения. Это произошло в 1937 году. Ученый разрабатывал методы изучения и экспонирования произведений народного искусства, комплектовал собрание молодого отдела. До 1945 года (с перерывами, связанными с войной) он был его руководителем. Тем не менее, эта деятельность Л. А. Динцеса является лишь одной из граней его богатой личности. Другой стала поэзия.

Дать краткую характеристику его художественного творчества целесообразно на примере венка сонетов «О том, что умерло». Он был опубликован в Киеве, в 1918 году, в коллективном сборнике «Поэзия пяти». Представляется, что именно это произведение наиболее полно воплощает особенности творческой манеры поэта.

Венок сонетов зародился в Италии в XIII веке. По сведениям Н. Н. Шульговского, итальянский поэт Фольгоре ди Сан-Джеминьяно является изобретателем этой стихотворной формы. Строгие правила были выработаны в XV столетии в Тоскане, они были утверждены Сиенской Академией.

А. Б. Шишкин писал, что «русские сонетные венки – замечательный этап развития русского сонета и специфический русский вклад в европейскую сонетную традицию». В. Г. Подковырова отмечала, что «ни одна поэзия в мире не дает такого количества канонических венков сонетов». А. А. П. Квятковский указывал на другое: он справедливо называл венок сонетов «весьма трудной поэтической формой, требующей от поэта исключительного мастерства». Самый ранний венок сонетов на русском языке – перевод «Сонетного венка» словенского поэта Франце Ксаверия Прешерна (1800–1849), который был сделан Ф. Е. Коршем и опубликован в 1889 году, в седь-

мом номере журнала «Русская мысль». Оригинальные венки русских сонетов впервые появились в 1909 году. Это «Венок сонетов» Вячеслава Иванова и «Corona Australis» Максимилиана Волошина (по другим сведениям, первый русский венок сонетов написал в 1890 году малоизвестный поэт В. Е. Чехихин). Именно Вячеслав Иванов стал в глазах современников создателем формы русского сонетного венка. Валерий Брюсов, также заинтересовавшийся этой поэтической формой, придал ей новое звучание. Постепенно к венку сонетов обратились и другие поэты. Петербургский сонетолог В. П. Тюкин писал, что «в 1911–1920 гг. было опубликовано 11 венков сонетов восьми авторов, причем в этой сложной форме пробовали себя не только признанные мастера, как К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, М. А. Волошин и Вяч. Иванов, но и малоизвестные поэты: А. Г. Архангельский, Ю. Б. Кричевский, Н. Оболенский и Н. Н. Шульговский».

Надо отметить, что Л. А. Динцес и его венок сонетов ни в этом списке, ни в солидном библиографическом указателе венков сонетов В. Г. Мелентьева не названы. Произведение Льва Адольфовича упомянуто лишь в работе В. Г. Подковыровой, посвященной венку сонетов как одной из твердых форм русской поэзии 1889–1940 годов.

Произведение Л. А. Динцеса было написано в 1917 году. Оно построено по всем правилам поэтического искусства. «Венок» включает пятнадцать сонетов, связанных системой подхватов: начальный стих каждого следующего сонета повторяет конечный стих предыдущего; ключом венка является т. н. магистрал, который состоит из первых стихов четырнадцати сонетов. Стихи написаны точными, выверенными шестистопными ямбами с соблюдением правила альтернанса. Лев Адольфович строг в употреблении

размера – в метрическом отношении нет ни одного промаха или недочета. Резкие анжамбеманы отсутствуют, количество случаев инверсии невелико – в этом смысле все традиционно и даже привычно.

Произведение Динцеса нельзя назвать чистой импровизацией. Венок сонетов «О том, что умерло» – не церковь, построенная за один день, а плод длительного поэтического труда, чреватого победами и поражениями.

Рифма, использованная в венке сонетов, отличается многообразием. Поэт легко сочетает простые виды рифм, например, глагольные («склониться» – «поклониться», «прости» – «сплести»), рифмы, объединяющие существительные одного числа и рода («снов» – «годов», «Завета» – «привета», «ночей» – «свечей»), банальные («чувства» – «искусства») с редкими. В качестве примера последних можно упомянуть «безличьи» – «Беатриче», «вербен» – «Шопен», «Данте» – «andante», «Ницца» – «поклониться», «печаль» – «Грааль» и другие. Автор использовал множество слов иностранного происхождения. Обычно это слова из арсенала европейской поэзии: «менестрели», «трувера», «баркаролы», «иммортиели», «соната», «серенады», «инфанте», «виолины» и т. д. Освоение редкой рифмы произошло в русской поэзии в начале XX века, важную роль в этом процессе сыграл Валерий Брюсов. Стало быть, Л. А. Динцес использовал наработки своих недавних предшественников (тем более что, по мнению В. Г. Подковыровой, именно 1909–1916 годы – период расцвета символистского венка сонетов, время утверждения традиции и создания лучших образцов).

Во многих случаях формальные особенности поэзии Динцеса свидетельствуют о его глубокой начитанности в европейской литературе и зрелости как поэта, что еще более

удивительно при учете его возраста (в 1917 году ему было 22 года). Небезынтересно отметить, что в своем произведении Динцес сравнивал себя с Данте, в то время как в венке сонетов Ф. Прешерны автор уподоблял себя Торквато Тассо. Эта явная параллель свидетельствует о том, что Лев Адольфович знал перевод Ф. Е. Корша.

Необходимо указать на музыкальность произведений Л. А. Динцеса: «Вы помните ту ночь?.. Печально пел рояль/Поэму траурных бетховенских страданий»; «И все же я люблю безмолвие ночей/За сказку мерную безрадостных томлений». Возможно, что эти стихи и им подобные исполнялись под аккомпанемент музыкального инструмента (не случайно в произведении неоднократно упоминаются рояль и арфа).

Содержание произведения Л. А. Динцеса простое. Поэт вспоминает прошедшую любовь, поскольку «обещал.../Для Урны Траурной когда-нибудь сплести/Венок, овеянный мотивом вдохновенья». Он описывает события недавнего прошлого, используя многочисленные метафоры и иносказания (в т. ч. религиозные). Сюжет и мотивы венка сонетов Динцеса подобны другим произведениям. По словам А. Б. Шишкина: «Художественное действие многих венков... зачастую начинается на земле и продолжается на небесах, рассказывая самые основные, центральные моменты религиозной и исторической жизни мира».

В этом случае, кажется, будет уместна параллель с традиционным искусством. Как известно, свойства материала (дерева, металла, кости и проч.) непосредственно влияют на внешний вид произведений народных мастеров, определяют художественный стиль того или иного изделия. Применительно к стихам Льва Динцеса этим материалом стала русская поэзия Серебряного века. Особенно

значительное воздействие на стиль рассматриваемого произведения оказало, вероятнее всего, творчество главы русских символистов Валерия Брюсова, в частности, его стихотворения из сборника «Tertia vigilia» (1900). Налицо не только общие темы, сюжеты, но и рифмы, например, «двери» – «Алигъери». Не менее – если не более – общих черт произведение Л. А. Динцеса имеет с более поздними сонетами Брюсова, написанными как подражание Петрарке («Сонет в духе Петрарки», «Сонет в манере Петрарки»). Особенно близким в этом ряду аналогий является веночек сонетов Валерия Брюсова «Роковой ряд», опубликованный в 1918 году в сборнике «Скрижаль».

О путях проникновения воздействия В. Я. Брюсова можно сделать некоторые предположения. Не исключено, что под псевдонимом «Бронислава М.», которым подписалась одна из участниц сборника «Поэзия пяти», скрывалась никто иная как Бронислава Матвеевна Рунт (в замужестве – Погорелова) (1885–1983) – известная в свое время переводчица, писательница и редактор. Она приходилась родной сестрой жене Валерия Брюсова Иоанне Матвеевне Рунт (Брюсовой) и сотрудничала со знаменитым родственником. Некоторое время она даже была редактором журнала символистов «Весы». Поэтому неудивительно, что не только в стихах Льва Динцеса, но во всем сборнике «Поэзия пяти» просматривается сильное влияние поэзии символистов.

Некоторые строки Динцеса кажутся филологическим упражнением. Им свойственны манерность, холодность, не искренность чувства, риторичность. Возможно, это проявилось из-за желания поэта блеснуть техническим мастерством (вместо этого молодой автор допустил повторы: рубиновыми у него оказались не только костры,

но и его собственная кровь; хрустальными – не только облака, но и переживания и т. д.). Можно указать, что и Валерия Брюсова упрекали за холодность, риторичность стихов, а также за излишнее внимание к форме в ущерб содержанию.

Ситуации, описанные в произведении, приторно красивы и подчеркнута романтичны. Явная подражательность венка сонетов в некоторых случаях ощущается едва ли не как пародия на стихи символистов.

Однако эпигонство не исключило множества находок и просто удачных мест в стихотворениях Льва Динцеса. Важно отметить, что в них множество строк, свидетельствующих о глубоком знакомстве автора не только с русской, но и с мировой литературой. Порой это приводит к «выплеску» знаний на «поверхность» (вероятнее всего, к неосознанному). Анализ этого, в некотором смысле, «долексического уровня» творчества Л. А. Динцеса может оказаться в будущем весьма плодотворным, ибо, по словам А. Н. Андреева, «художник силен не только сознанием, но и подсознанием», и далее: «Сложнейший симбиоз сознания, подсознания, психологии, а также способы передачи этого симбиоза порождают целостное художественное творение».

«О том, что умерло» – произведение-воспоминание, во многих отношениях его можно назвать итоговым, прежде всего в биографическом плане. Все описанное имело место в жизни автора. Венок сонетов является итоговым и в плане тематики. Произведение упрямо стремится к границам жанра: встречаются прекрасные пейзажи, бытовые и психологические зарисовки, яркие натюрморты. В этом – причина «живописности» произведения, его разнообразия. Но «О том, что умерло» – это еще и монолог, ибо в каждой

ее строке ясно слышен голос автора, весьма богатой и темпераментной личности.

Касательно образной составляющей можно отметить, что большинство образов, к которым обратился Л. А. Динцес, к тому времени, т. е. к I четверти XX века, уже давно находились в употреблении, поэтому их можно назвать тривиальными («рубиновые костры», «хрустальные облака», «души моей восток», «нарцисс моей души»). Тем не менее, используя банальные выражения, образы, метафоры, Динцесу удалось отразить настроение. При этом это не только настроение, в котором пребывал он сам, но и шире – настроение эпохи, в которой жил молодой поэт.

Пусть произведение Л. А. Динцеса вряд ли можно отнести к недостижимым вершинам русской поэзии, оно свидетельствует об определенном этапе в истории венка сонетов в России. «Как любое другое явление в культурной жизни, он пережил период „вживания“, расцвета, распрощания и эпигонства».

Лев Адольфович Динцес предстает одним из зрелых, крепких поэтов I четверти XX века, одним из тех, кто не определял развитие русской поэзии, но удерживал ее на высоком уровне. Возможно, обнаружение неизвестных поэтических произведений Л. А. Динцеса поможет скорректировать вышеприведенные характеристики и точнее определить его место в русской литературе.

Вера Сытник
Лауреат 2-й степени
ЗАПАХ ВРЕМЕНИ ИЛИ ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Кроме того, что мы воспринимаем окружающий нас мир с помощью зрения, вкуса, слуха и осязания, мы воспринимаем его и посредством запаха – в узком и широком смыслах этого слова. В «узком» означает способность человека различать запахи реального времени: запах еды, парфюма, цветков и т. д., и т. п. В «широком» – способность ассоциативно представлять запахи прошлого на основе той или иной информации.

Если пофантазировать и выстроить периодизацию истории на основе запахов, то можно сказать с долей условности, что первобытный строй пах природой; Древний мир – лошадиным потом, землёй и железом; Средневековье – помоями и мрамором одновременно; Новое время – порохом и типографской краской; Новейшее – человеческой кровью, с учётом того, что в период с тысяча девятьсот четырнадцатого года по наши дни произошли вооружённые конфликты планетарного масштаба, которые привели к беспрецедентному количеству жертв. Получается, все мы дышим запахом крови?

Не ужасно ли такое осознавать? Задумывается ли человечество на данную тему? Если задумывается, то почему этот запах не рассеивается, а сгущается и покрывает собой всё большие пространства? Вопросы звучат риторически, ибо не видно практической силы, способной защитить людей от жуткого амбре, веками стоящего над планетой, проедаая мозги и души людей. Вернее, сила такая есть – это Бог, который ждёт, что какой-то народ построит свои общественные отношения по вере в Него и будет

жить по Его заповедям. Может быть, это послужит примером для других народов, и тогда кровавые испарения развеются.

Наша Земля такая маленькая! Это в древности она казалась чем-то необозримым, бесконечным и вечным. Взгляд не мог охватить всю её целиком. Теперь мы имеем такую возможность благодаря космонавтике, интернету, СМИ. Планета умещается в одной картинке, приближая которую, запросто разглядишь самые отдалённые уголки, начиная от Антарктиды и заканчивая Арктикой. Теперь в полной мере можно ощутить и поверить в «эффект бабочки», открытого Эдвардом Нёртоном Лёрнцем, американским математиком, из которого следует, что в природе нет ничего случайного, что всё взаимосвязано, и что взмах крыльев насекомого в одном полушарии и времени может вызвать бурю в другом полушарии земли и в другом времени. В рамках технического прогресса, достигнутого человечеством к началу третьего тысячелетия, сей факт стал очевидным.

Однако при всём прогрессе знания не сделали человека добрее, мудрее. Наоборот, добавили агрессии и алчности, как будто всыпали в него нечто тяжеловесное, остроугольное, что порвало его душу и напрочь лишило способности к самосохранению. Борьба, которую человек когда-то вёл с природой, пытаясь выжить, превратилась в борьбу за собственное превосходство, в борьбу за наживу ради наживы, что неизбежно влечёт за собой войны. Накоплено столько информации, что историю человечества можно объять одним взглядом так же, как, не сходя с места, можно обойти Землю кругом. Всё словно бы уменьшилось, сжалось во времени и пространстве. Человек уже шагает не просто по Земле, а по звёздам, но ответить на вопрос: зачем он живёт, не в состоянии.

Каждое конкретное время, как и исторические эпохи, имеет свой запах – ярко выраженный, как в годы Второй мировой войны, или приглушённый, как в годы зрелого социализма. Но в любом случае он во многом определяет настроения в обществе. Запах гари и пепла в Отечественную войну, запах сожжённых родных городов и деревень мобилизовал русский народ, сплотил его для победы над фашизмом. В эпоху строительства коммунизма в воздухе наряду с ободряющими ароматами всеобщего равенства плавали запахи социального брожения, приведшие к распаду Советского Союза. Оказалось – достаточно малой дозы нравственной гнили, чтобы отравить сознание общества и сам воздух. Россия, получившая в наследство вместе с расшатанной политической системой и запах общественной плесени, тридцать лет пыталась сохранить себя, не особенно заботясь о том, какие запахи при этом производят её судорожные действия.

Нельзя сказать, что за тридцать лет атмосфера расчистилась. Что-то из неё ушло, но многое осталось и висит пеленой поверх России, не давая ей быть процветающей, здоровой. Общество, отравленное смрадами перестройки, приняхалось к следу, ею оставленному, и большинству кажется, что так оно и надо. Сейчас вся Россия окутана запахом тревоги, эквивалентом которого выступают неуверенность в завтрашнем дне, полнейшее разочарование в системе школьного и высшего образования, культуры и медицины, озабоченность растущими ценами на всё самое необходимое для жизни; страх за жизнь родных и близких людей, участвующих в Специальной военной операции на Украине; а также боязнь нищенской старости и одиночества. Тревожит, что родовые связи сильно подорваны и неизвестно, какими скрепами их

соединять. Нет, известно, да только большинство отмахивается от идеи сближения с Богом в то время, как этот путь гарантирует чистоту нравов в качестве базиса для мирового спокойствия.

Гляжу я на родину и чувствую, как обоняние улавливает нечто застывшее, окаменевшее, что заставляет думать об отсутствии движения в развитии социума, об унылости и скованности общественного сознания, о губительных для русской души оглядках на Запад, где давно уже нет места нравственным ценностям. Гляжу и вижу выцветшие водянистые глаза стариков, которые смотрят на мир с угасающей надеждой на всеобщее счастье; вижу пассивность и ошеломляющую безграмотность молодёжи, находящейся во власти Всемирной паутины, которая заменяет им реальную жизнь с её живыми эмоциями; вижу девушек-подростков, мечтающих о богатом содержании; и юношей, развращённых западной культурой и рвущихся к лёгким заработкам. От всего перечисленного несёт беспокойством и угасанием, как несёт разрухой от высыхающего колодца.

Запах тревоги – предвестник паники, за которой следует разрушительный хаос. От нас зависит – накроет ли он родную страну. Зависит конкретно от каждого, так как здесь нет сторонних наблюдателей, ведь дело касается будущего наших детей и внуков, и правнуков. Все мы – участники одного грандиозного события под названием Россия. Как бы ни казалось, что «моя хата с краю», такого не бывает, чтобы можно было остаться в стороне от судьбы отчизны. Мы иногда не осознаём, что вовлечены в круговорот исторических событий. Думаем, что потеряли кошелёк, дом или бизнес из-за собственной глупости. А это где-то взмахнула крыльями бабочка, нарушив без-

мятежное спокойствие цветка, который вздрогнул, задел другие растения, и все они уронили росу на землю.

Земля приняла ту росу и размякла. По размякшей земле прошёл человек, недовольный, что ноги вязнут в грязи. Чтобы освободиться от недовольства, он приказал засыпать участок песком. Песка под рукой не оказалось. Пришлось посылать за ним в другую страну, которая в это время переживала засуху, а потому запросила за товар огромные деньги. Денег – нужного количества не нашлось. Пришлось заняться разбоем, который жутко напугал всех людей. Кто-то от страха потерял кошелёк, кто-то хотел укрыться в доме, но дом в качестве компенсации за испуг потребовался банку. Кто-то решил активизировать свой бизнес, предчувствуя тяжёлые времена, и был обворован теми, кто при всеобщей панике занялся мародёрством. А насекомое, наделавшее мировой переполох, давно закончило свой век, и новая бабочка, более дерзкая и сильная, уже норвила освободиться от тугого кокона...

Каждое наше действие – малая лепта во всеобщую историю. Наивно думать, что накроет или не накроет Россию хаосом, зависит не от каждого из нас. Историю делают политики. Отдельные личности способны застопорить её ход или убыстрить. Но почву, из которой произрастает политика, удобряют слезами люди. Но дать свободу действий отдельной личности – это лежит в поле зрения народа. Легко обращать взгляд в прошлое и делать запоздалые выводы. А вот как научиться видеть на два шага вперёд, чтобы не расшибить себе лоб на повороте? Вопрос тоже риторический, ибо никто не учится ни на своих, ни на чужих ошибках. Человек – такое странное существо, разные поколения которого, уже зная об искупительной жертве Иисуса Христа и его заповедях, продол-

жает накапливать одни и те же грехи, при этом удивляясь, что приходится расплачиваться за грехи Адама и Евы.

Витающий над Россией запах тревоги, по счастью, не так уж и густ, как может показаться. Запах надежды пусть слабыми, но весьма ощутимыми струйками разбавляет пелену беспокойства и страха, висящих над Россией. Вижу это и чувствую, когда прислушиваюсь к пульсу страны, составленному из звучания церковных колоколов вперемешку с бурлением дорог; когда приглядываюсь к просветлённым лицам людей, выходящих из церквей или рассуждающих о воспитании детей, о необходимости сбережения их душ в чистоте; когда прислушиваюсь к застольным песням, в которых, кроме тоски и печали, слышится бесконечная любовь к отчизне; когда принимаю пищу, которую едят люди, и нахожу, что пища, хоть и простая, но питательная. Живя на Северном Кавказе, вижу, как прекрасен в своём гостеприимстве здешний народ, как все хотят мира и спокойствия. Вижу, как много народа присутствует на Литургии и подходит к Чаше, чтобы причаститься Христовых тайн. И, самое главное, вижу, с какой потрясающей кротостью и готовностью люди объединились в желании помочь сыновьям – тем, кто сейчас на Украине.

Для меня запах тревоги растворяется в Курортном парке города Ессентуков, где я сейчас нахожусь. Два года назад он выглядел заброшенным и унылым, был пропитан запахом мусора, а ныне украшен просторными дорожками, прочными скамейками и вековыми деревьями, у которых по осени обрезают сухие и длинные ветки. Парк похорошел и ожил, окутанный запахами свежести и обновления. Снова сработал эффект бабочки: очистили парк, и он наполнился кислородом, которым надышались люди и

затем разъехались по огромной России, увозя с собой благодать, почерпнутую на Кавказе. Та благодать прорастёт в их душах. Не во всех, но прорастёт. И, возможно, подвигнет на добрый поступок, который, в свою очередь, внесёт лепту в разрядку всеобщей тревоги.

Татьяна Бадакова
Лауреат 3-й степени
ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЭТЕ
НАУЧИЛ ЖИТЬ «ВО ИМЯ»

Семидесятые годы прошлого столетия. Апрель.

Всё сегодня подчинено доброй встрече – расцветающая и щебечущая весна, тщательно подобранный наряд, чудесное настроение и лёгкое волнение. Совсем ещё юная студентка спешит на свидание с Поэтом. Она взволнована, а сердце её ликует уже с утра. Прочитав сообщение на Доске объявлений в студенческом городке, её лирическая душа затрепетала, как от встречи с любимым.

«Какой он, знаменитый поэт?»

«О чём поведает? Что прочтёт?»

«И что же услышит она?»

Её интересовало всё, даже как он будет выглядеть, какой у него голос. На самом ли деле он очень необычно читает свои стихи? Нараспев, словно древний джангарчи.

Зал полон.

Открывается дверь, и в аудиторию входит... не человек, а человечище. Статный, степенный, широкоплечий калмык. Показалось – облачи его в доспехи, и превратится он в богатыря из её детских книжек. Но воина очень и очень мирного: на лице улыбка, тёплый взгляд его карих с прищуром глаз излучает свет. И весь его облик – сплошное олицетворение чуда. Необычная причёска с развевающими кудрявыми, зачёсанными назад волосами, высокий лоб и голос...

Когда он заговорил, пред ней предстал сказочник-пророк с ласкающим слух голосом. Он не говорил, он пел.

Дела, гремевшие в веках,
Не сгнули безвестно,
Не превратились в тусклый прах,
Не погрузились в бездну.
В нас всех – грядущего зерно:
Нет почвы плодородней...
«Вчера» и «Завтра» сплетено
Одним узлом «Сегодня».

Да-да, именно так он читал, проговаривая каждую букву, как она есть, не «СеВодня», а «СеГодня». В особенности подчёркивая согласные. В них он видел, наверное, силу слова и стиха.

Поэт завладел вниманием всех присутствующих. Глаза и уши больше не видели и не слышали ничего вокруг. Истинная магия Творца!

Никто не помнит своего рожденья,
Никто не вспомнит свой последний час.
Два рубежа, две грани, два мгновенья
Не ведомы ни одному из нас.
И всё пространство, весь кипучий бег
Ночей и дней меж рубежами теми,
Всё, что философ именует «время»,
Что жизнью называет человек.

Честность каждого его слова чувствовалась сразу и поэтому притягивала.

Друзья похвалят, не переча,
Осудят подруги, сердясь.
Зато с читателями встреча
Чиста от злобы и прикрас.

Читал он много, с упоением.

А люди слушали, затаив дыхание, стараясь запомнить и вобрать в себя философию умудрённого жизнью человека.

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог.
И русская старушка, помню,
Мне хлеба сунула кусок.
Затем тайком перекрестила
В моём кармане свой ломоть.
И быстро прочь засеменила,
Шепнув: «Спаси тебя господь!»
Хотелось мне, её не зная,
Воскликнуть: «Бабушка родная!»
Хотелось петь, кричать: «Ура!»
Рукой в кармане ощущая,
Существование добра.

«А где же любовь, чистая и нежная?»

И словно услышав её, Поэт тут же откликнулся:

Жду тебя...

Жгучий ветер, протяжно трубя, обжигает лицо.

Жду тебя...

Снег позёмкой шуршит, под ногами скрипя,

Жду тебя...

А мороз, белым просом слепя, на ресницах застыл.

Жду тебя...

И бросает меня не от холода в дрожь,

А от мысли, что ты не придёшь!

И чем дольше длилась встреча, тем больше заполнялась душа Девушки богатством, что дарил ей Поэт. Всё шире становилось пространство, отдалялись горизонты. Ей предоставилась площадка для взлёта и возможность увидеть высокое.

Когда он закончил читать, посыпались вопросы. Отвечал он охотно, также философски мудро, но в то же время

простыми словами. Главный ответ на главный вопрос вечера и всей человеческой сущности: «В чём смысл жизни?» – эта юная душа запомнила навсегда: «Чтобы жить и творить, необходимо иметь „Во имя»».

Так и старается она жить – во имя добра, во имя благополучия родных и близких, во имя счастья, во имя мира.

Спасибо, великий Поэт!

VIP

Юлия Каштанова
ЛУЧШИЙ НОВОГОДНИЙ
ПОДАРОК ИНОПЛАНЕТЯНИНУ

Долгими предновогодними вечерами на улочках провинциальных городов удивительно тихо. Жители никуда не спешат, а предпочитают сидеть с чашкой чая у окна и наблюдать за медленно кружащимися в воздухе звездочками. И мало кто задумывается, что в такие сказочные вечера с неба падает не только снег... Поэтому никто, кроме бродячей кошки и пары воробьев, не обратил внимания на ухнувший в глубокий сугроб плоский круглый металлический предмет величиной с колесо автомобиля. А это был самый настоящий космический корабль, в народе именуемый НЛО.

Когда удалось разблокировать заклинившую после падения крышку люка, на обшивку вышло «существо», совершенно не похожее на обитателей планеты. Незнакомец сел на край своего «летательного аппарата», свесив короткие ноги, смахнул с «носа» снежинки (которые тут же заменили их новые сестры) и фыркнул:

– Вот и «приземлился»!

Незнакомца звали Фазик, и родом он был с далекой планеты, у которой в земном астрономическом справочнике не было даже имени – только номер. Да и «Фазик» тоже, по сути, именем не являлось. При рождении (точнее, сборке) он получил идентификатор из длинного набора символов: гость из космоса был роботом, как и все население его далекой планеты. Звонким прозвищем его наградили за «нестандартное мышление». Кто-то из роботов-сборщиков «пошутил», что, дескать, у новичка в голове перепу-

тали провода, и у него произошел «сдвиг по фазе». С тех пор и приклеилось «имечко».

Благодаря этому «сдвигу» Фазик и оказался на Земле. Дело в том, что на его родной планете прогресс двигался вперед семимильными шагами, потому на ней было всё, что душе угодно. Хочешь хорошую погоду круглый год? Пожалуйста! Хочешь в соседнюю галактику с ветерком? Нет проблем! Даже сами роботы давно перестали быть «бездушными железками»: у каждого был свой характер и даже чувство юмора. Вот только отличались они потрясающей логичностью и практичностью, отчего на планете царила не менее потрясающая скука.

Жители планеты со сложно произносимым номером что только не придумывали: показывали фокусы, устраивали соревнования, проводили викторины – ничего не помогало. Вот тогда и отличился Фазик и еще несколько его «нестандартных» товарищей: предложил последить за гуманоидами и выяснить, почему тем так весело. Разумеется, в ответ умники получили: «Сами придумали – сами и отправляйтесь». После просмотра длиннющих лент данных, перехваченных со спутников и зондов, был составлен список планет, куда отправились «спасители цивилизации». Фазику по жребью выпала Земля.

По дороге герой-исследователь времени даром не терял, а увлекся просмотром многочисленных фильмов и новостей и пришел к выводу, что у землян есть некое явление под названием «праздник», а особенно его заинтересовал Новый год. Что это такое и почему жителям планеты в этот день так весело, он не понимал. Гуманоиды сидели за столом, распевали песни, дарили подарки, принимали облик разных существ (особенно робота впечатлил образ алкоголика) и кружились вокруг раскрашен-

ного разными яркими предметами и лампочками растения.

Большая часть происходящего Фазику была знакома: его соотечественники умели петь, устраивали посиделки (правда, во время них обсуждали глобальные и мелкие научные проблемы) и даже награждали друг друга – например, за ответственную службу. А вот колючая флора, именуемая елкой, хоть и была ему знакома, совершенно непонятно почему являлась источником веселья. И робот решил: дело в елке. Дело за малым: раздобыть растение и выяснить, как оно связано с эмоциями на зимнем празднике.

Сперва Фазик исследовал лес, окружавший место его жесткой посадки, но заснеженные деревья не произвели совершенно никакого впечатления: все они были одинаковые, мрачные и скучные. Тогда, пораскинув электронными извилинами, инопланетный гость решил прогуляться к заселенному сектору – близлежащим домам, малящим тепло-желтыми квадратами и яркими лампочками, разукрасившими унылого вида бетонные коробки. Там, если верить энциклопедии, обитали гуманоиды.

С трудом преодолев сугробы и едва не попавшись на глаза обитателям планеты, «гость из космоса» добрался до домов и, старательно скрываясь от любопытных мохнатых тварей, явно желавших проверить на прочность его броню, начал осторожно заглядывать в окна. Увиденное его во многом впечатлило, но ясности не принесло. Большие и поменьше гуманоиды сидели за длинными столами и смотрели что-то на экранах или принимали пищу, а в каждом помещении в углу располагалось нарядное дерево, перемигивавшееся огоньками ярче панелей управления его корабля. Входить в контакт с инопланетной

цивилизацией в задачи Фазика не входило, но, увы, от наблюдений никакой практической пользы не было.

Путешествуя таким образом от здания к зданию, маленький работ добрался до невысокой постройки, внутри которой была одна длинная комната с высоким потолком. Здесь елка стояла по центру и была значительно больше других и богаче украшена. Вокруг бегало множество маленьких гуманоидов самого странного вида (Фазик даже поначалу принял их за других представителей земной фауны). Взрослые тут тоже были, но, по большей части, они сидели в сторонке и с умилением наблюдали за возней вокруг елки, время от времени восторженно хлопая.

Фазик до того расхрабрился, что решился на отчаянный шаг, не предусмотренный инструкцией. «Инопланетный гость» обнаружил неподалеку неплотно прикрытую дверь, предварительно осмотревшись, осторожно прошмыгнул в полутемное помещение и крадучись пошел на свет, в сторону комнаты с елкой. Волновался, впрочем, он зря: земляне были так увлечены, что не обращали внимания на то, что к их веселью собирается без спроса присоединиться кто-то еще. Фазик спрятался за пустыми коробками (видимо, из-под украшений), потом мелкими перебежками добрался до большого ведра... Он подходил всё ближе, прислушиваясь к веселой музыке, голосам и детскому счастливому визгу.

Вот он подкрался практически вплотную и в какой-то момент потерял осторожность. Гость попытался незаметно взобраться по сложенному в углу уборочному инвентарю. Последствия были почти трагичны: швабры с грохотом рассыпались, а Фазик, не успев ухватиться за что-то более устойчивое, рухнул в самую середину груды (хорошо, что ничего себе не сломал).

В зале мгновенно воцарилась тишина, которая провисела добрые минуты полторы, а потом, как по волшебству, вокруг груды упавших швабр, образовалась толпа (гость весьма удивился, насколько быстро немеханические существа способны перемещаться). Люди едва слышно перешептывались, пока Фазик с тихой руганью выбирался из «капкана». Когда наконец это удалось, последовало изумленное дружное: «Ах!». Судя по всему, земляне ожидали увидеть какое-то животное, а их глазам предстало непонятное не то «создание», не то – «сооружение», больше напоминающее персонажа из комиксов. Как не странно, сенсоры гостя не зафиксировали страха или агрессии, а скорее – жгучее любопытство. Дети тыкали в него пальцами, спрашивая: «Кто это?» «Он не кусается?» «Откуда он взялся?».

Ответов у взрослых, которые «обычно знают всё на свете», на сей раз не нашлось, а Фазик решил, что пора «раскрыть карты», пока его не попытались изловить и разобрать на запчасти с целью выяснить, что у него внутри и как он работает. Включив (в прямом смысле) свое техническое обаяние, воображение и проектор для демонстрации картинок, маленький робот вскарабкался на стул и принялся рассказывать про далекую планету без названия, сородичей-роботов и скучные праздники без елки, сопровождая историю впечатляющим шоу на соседней стене. Дети – да и взрослые – слушали с интересом и даже посочувствовали несчастным инопланетянам, никогда не знавшим новогодних праздников. Когда же пришел черед Фазика задавать вопросы, он попросил объяснить, почему землянам так весело и при чём тут елка.

Дети были в восторге и с радостью согласились. Фазика нарядили зайчиком (больше ни на какую роль робот не

подходил: для Деда Мороза слишком маленький, для Серого волка – слишком добрый, а на Снегурочку и вовсе не похож), и робот талантливо скакал под елочкой, чем вызвал всеобщее умиление. Потом гость показывал фокусы, иллюстрируя различные природные законы, после чего часть детей твердо решила стать физиками, другая часть – инженерами, и абсолютно все увлеклись космосом. Потом они водили хороводы, читали стихи и пели песни. Фазик радовался вместе со всеми, хотя по-прежнему не понимал, почему; ему просто было весело, привычную скуку как рукой сняло.

В самом финале взрослый гуманоид с длинной белой шерстью на голове, завернутый в толстую красную ткань, расшитую звездами, раздавал гостям подарки. От сладостей гость отказался – еще контакты слипнутся! – но очень был благодарен миниатюрному набору отверток.

А дальше наступила пора прощаться – гостя ждали далекие звезды и заскучавшие соотечественники, и Фазик загрустил. Дело было не только в близком расставании: он так и не нашел способ доставить праздник на родную планету. От этого маленькому роботу стало неловко и даже стыдно. Разумеется, дети сразу же это заметили и, сложив два и два, припомнив странный рассказ инопланетного знакомого, постановили – надо помочь роботам с далеких звезд устроить новогодний праздник.

Общими усилиями нашли маленькую елочку и набрали миниатюрных игрушек. С помощью Деда Мороза, оказавшегося по совместительству папой-физиком одного из ребят, дерево запаковали в герметичную колбу, чтобы не зачихло в дальней дороге, объяснили, как за ним ухаживать, как правильно наряжать и, засыпав на прощание

подарками для жителей планеты, проводили в дальний путь на окраине поселка.

Уже сидя в наскоро починенной тарелке, направляясь в сторону далекого дома, Фазик рассматривал главный новогодний подарок – колючий символ праздника – и на его механическом сердце было тепло и уютно. Он так и не смог объяснить логически – почему гуманоиды Земли любят зимний праздник и чем хвойное растение вызывает столь безудержное веселье, но в одном он был уверен совершенно точно – соотечественники его теперь точно не будут скучать.

Елена Черникова
КАЛЕНДАРЬ

«Вымойте руки тёплой водой с хозяйственным мылом и коротко обстригите ногти», – деловито начинался рецепт.

Мне скоро семь лет. Календарь отрывной полон жизни заочно-заоблачной. Дедушка покупал и вешал полный год, по утрам отрывал прожитые сутки, выбрасывал вчерашний день, а я подбирала и читала новости дробного мира взрослых, в котором бумажное время шуршит борщами, восходами, закатами по расписанию, справками о великих, историческими правдами, великими рекордами, вязальными уловками, шахматными задачами вперемежку с огурцами, картофелем на сале, выкройками фартука, космонавтами в округлых шлемах. Земной шар, обклеенный зеркальцами, кружится в потоке солнечного ветра под недоступным потолком недоступного ночного дансинга – мира легитимных, по паспорту, взрослых, имеющих спорную власть над нами, детьми, хоть и вовсе я не была детью, это мерзко, мне скоро семь, и детство как социальный институт осточертело мне гуттаперчевой нескончаемостью и тягостной, неизбывной виной перед старшими, у которых, я уверена, нет права держать меня за маленькую, пороть словами, насмехаться, терзая мнимым нашим неравенством перед временем. Теперь-то я могу любить их, а тогда мне ну не хватало слов. И я читала календарь.

Календарь тоже намекал на горизонты, но его я не боялась: он ведь не ругал меня. Я его любила. Календарева юбка-клёш всё выше задиралась к весне, опадала к Новому году, пройдя ежеутренние пальцы пользователя. Де-

душка заводил часы. Дедушка обслуживал календарь. Дедушка имел два Ордена Ленина и никогда не рассказывал за что. Полагаю, за время в двух значениях слова.

Серо-жёлтый цвет календарных листков сулил радугу, блестящий поворот жизни, рлиё, батман и Вселенную. Начисто лишённый логики, календарный мир завораживал красотой торта, энергичными пассажирами из Программы КПСС, ингушскими сказками, линогравюрами с весенними разливами, словно танец тысячерукого ансамбля «Берёзка», пусть даже через пирожки с капустой. Ничего страшного. «Капрон в 2 раза прочнее на разрыв, чем шёлк, в 6 раз прочнее шерсти». Печатали, понятно, шелк, а не шёлк, экономия краски на двух точках – государственное дело. Теперь я, как говорят оппоненты, ёфикатор, и везде ставлю ё.

Я взгляделась во вчерашний день и перечитала странный текст, посвящённый восьмому марта.

Праздничный аноним, а календарные советчики все до единого были безымянными, учил сегодня девиц и женщин страны Советов обмывать наружные половые органы по правилам социалистического общежития. Телеграфным стилем без академических затей он поучал, как присесть над ведром и в каком направлении лить кипячёную воду. В самое сердце били слова – «от лобка в сторону заднего прохода». Понять – трудно. Не получалось. Акробатика – чтоб и над ведром, и лить противу земного притяжения. Да ещё ногти. Надобно состричь их, пишет аноним, до начала помывочной процедуры. Воображение отказало, я загрустила.

Ногти среднего человека растут со скоростью 0,36 см в месяц. Отрезать их два-три раза в день – можно достричь до плеч.

Опечатка? Но в советской прессе – повременные календари входят в систему СМИ – не бывало никаких опеча-

ток. В дошкольный мартовский день я ещё не слыхивала о революции, цензуре, классовой борьбе, но пишу-то я сегодня, когда уже знаю прессу, СМИ, систему, опечатки, посему мне можно, и не будем прикидываться, что все обязаны вспоминать детство на языке детства и сами себе сюсюкать. Не обязаны.

...Может, взрослые дамы, чтобы, как велит календарь, коротко отстричь (а в дошкольном марте я всё ещё думаю про два-три раза в день, а не в год), должны наклеивать особые ногти? Всё было прекрасно в календаре: и лицо, и душа, и соус, и скатерть, и странные скоростные ногти. Но в годы моего так называемого детства салонное наращивание ногтей не практиковалось. Женщины ходили все лакированные красным, чинные горожанки в платьях и рубашках. Разве лишь клоуны – я страстно любила цирк – прикладывали ресницы, носы, рыжие патлы для вечно праздничного выхода на арену по вечерам и плакали, если падали. Понимаю. Ногтей в Воронеже никто не клеил, а время звалось оттепелью.

Сырое имя пастельной эпохи тонких талий много позже узнала я не по парикмахерскому поводу. По политическому. Но в оттепель не было, никогда не было даже в цирке женщин с отрезанными до плеч ногтями. Что же хотел сказать автор, веля коротко стричь перед омовением? А если не стричь всякий раз перед омовением – что будет? Сто лет спустя догадалась я, что имелось в виду устранение из-под женских ногтей въевшегося навек чернозёма.

Воронеж, место действия, где висел и рвался календарь, является центром Черноземья. У многих воронежских женщин были мужья. Иногда казалось, что у всех. Я верила текстам из календаря, сказкам Шарля Перро, балетной музыке Чайковского, каватине Антонины из оперы «Иван

Сусанин». Мой кругозор ширился хаотично, словно многумудрые страницы отрывного календаря сами вклеивались обратно, путая очерёдность, но весёлый порядок обратного вклеивания дней не имел значения. Всё было равновелико на заре клипового мышления.

Здесь отступление. Цирк я любила самозабвенно, до одури. Сначала в город приезжало шапито. Чтобы видеть рай хоть краем, я взбиралась на бетонную тумбу паркового фонаря и – ориентируясь на непостижимо прекрасный аромат опилок – вперёд! – улетала сквозь хохочущий неземными огнями просвет парусиновой стены шатра. А как построили в городе каменный стационарный – распоясалась и ходила на все программы вся целиком, не с фонарной тумбы в парке. Восторги партера, раздолье двадцатого ряда. Обожала Ирину Бугримову, Марицу и Вальтера Запашных, мечтала спать в клетке с тиграми. Моя бабушка в юности рвалась в цирк, но ей пришлось оставить мечту ради замужества. Бабушкин опыт – в её переказе – подводил меня к нормальному детскому выводу, что лучше в клетку с тиграми, чем замуж. Я не связывала этот жуткий замуж с чудесным моим дедушкой, распорядителем нашего семейного времени: актуальным календарём и старинными часами заведовал только он.

И зачем календарь советует остричь ногти коротко, вымыть руки хозяйственным мылом, обмыть наружные половые в оттепель – не сразу сдавала мне секреты большая жизнь. И таинственное ведро, и незримый чернозём, и нереальное направление в сторону заднего прохода, и стрижка ногтей по плечи – непрогоревшими поленьями дымилась в мире взрослых недосказанность, хотя все безупречно светились правдивостью. В мае, на девятое, бабушка рассказала мне, как она с тремя детьми ехала в

эвакуацию через Сибирь, когда дедушка служил на отечественной войне, и наконец просверкнула в моей голове догадка, что на войне ванны нет.

Я не спрашивала взрослых – почему небо голубое. Читатель букв трёх-семи лет от роду похож на юного бога: всесилен. Если никто не сказал мне, что сословия, что классы, что прослойка, что история творится над ведром и с хозяйственным, если повезёт, мылом, то чего вы хотите: я ходила в цирк и смотрела всё подряд, чтобы понять взрослых: откуда у них рюши, пыльники, каменный стационарный цирк, если ещё вчера было такое стабильное ведро, что оно пролезло в календарь к дедушке, прямо на стену, а ведь бумага всегда говорит правду. Правда? У моей второй свекрови были перчатки до локтя, лайковые. Она взяла их в новый век с его горячей водой, мылом Сапau (тут мокрым шёпотом – любимое мыло английской королевы), центральным отоплением и почти повсеместно живыми мужьями. Связать горячий душ и перчатки до локтя с поганым ведром, хозяйственным мылом, дедушкиными орденами, тихими голосами – вообще связать времена – тот ещё трюк, но потаённо в глубинном народе шелестит отрывной календарь, полный чрезвычайных лайфхаков, как музыка спасенья, и на его иконе образ триединого – тристаединого – времени.

Вчера в метро:

– Времени нет уже или не было никогда? – спросил меня ребёнок лет четырёх, листая айфон.

Не знаю, малыш. Мы своенравно дёргаем время за усы, вызываем и засовываем джинна, до кровавых мозолей стирая горло бедной медной лампе; щупаем время за печатные соски, тискаем его ляжки, щекочем его пятки – о, мы грешные! Когда стала, прости Господи, я историком,

поняла: календари надо коллекционировать. Как словари. Я тебе, малыш, вот что скажу: важно читать отрывной календарь на заре. А дойдёшь до материнства-отцовства, вспомни – вешать на доступную стену и позволять ребёнку выщипывать шершавые крупницы времени – хорошо.

– А если там фейки?

– Есть и хуже фейков: на Женский день 8 Марта поздравляют милых дам, не страшась моего гнева. Что такого? Ну да, ну да. Невежество простодушно, а единственное место парковки милых дам – бордель в стабильные времена, где гусары носили ментики, пили шампанское. Нигде более дамы ни бывают милыми. Ошибка хуже фейка.

Ребёнок выслушал с интересом и углубился в чтение. В айфоне тоже есть календарь. Не отрывной. Неотрывный. Тристаединство времени.

Валентина Бендерская
ИЗ ЦИКЛА «ЛЬДЯНАЯ ФУГА»

Когда я тебя разлюблю,
мне больно уже не будет.
Крест чёрный по календарю
оплавится скупостью буден.
И буду вручную закат
сама опускать над постелью,
ложиться в свой маленький ад
на стылую простынь метелью.
Остыну... Звонящую стынь
уже не почувствую кожей.
Моя однобокая тень
застынет в проёме прихожей,
заснежит зальделую дверь
и холод восславит искристый...
Нет боли утрат и потерь,
в чьём сердце – осколок льдистый.

ПОХОРОНЫ ВЕСНЫ

*И на плите могильной вспыхнет надпись
О том, кто был и сплыл в немой реке.*

Леонид Колганов

Вломилась вихрем осень в дом.
Листвой обугленной в проём
двери вползла, как анаконда...
Как антикризисная фронда,
восстание остатков чувств
в моей бунтующей державе
души и сердца, полных ржави
и пепла тех последних дней,
когда ты плыл над облаками
из точки смерти к точке тьмы
под тонны каменной плиты
на кладбище Кирьят-Гата.
И солнце смотрит виновато
на мой весенний гардероб,
которому теперь не место,
как и наряд бывлой невесты,
я положила рядом в гроб.

РУИНЫ

Сижу на балконе, опять размышляю...

В. Б.

.....Но февраль

ужалил... Притих... Вновь ужалил...

В. Б.

Леониду Колганову

Отбросила меня волна
На десять лет назад –
Вернулась к берегу одна...
А море бьёт в набат!
Зовёт на помощь nereид,
Хтонических* сирен
Воспеть величье пирамид
Обрушившихся стен.
Лежит в руинах Вавилон
Под каменным брусом.
Не злой хамсин, а Аквилон
Замёл тебя песком...
На солнце золотом икон
Сверкает литораль**.
Бокал... перо... пустой балкон...
И жалит вновь февраль...

---

* Хтонический – относящийся к подземному царству и т. п.; подземный.

** Литораль – зона морского дна, затопляемая во время прилива и осушаемая при отливе.

ВЕРЕТЕНО АНА́НКЕ*

Всё больше дней в календаре
со знаком минус,
морщин, плодящихся в коре
дерев, как вирус,
атаковав Земли покров
могильным строем
и заполняя тёмный ров
гниющим слоем.

Всему виной веретено
у ног Ананке.
Бросая станции в окно
и полустанки,
оно бесстрастно к частоте
времён убитых,
к чадающей мгле над чистотой
сердец открытых.

И превратив мечту в притвор-
ную реальность,
перевела пути в минор-
ную тональность.
Вокруг маячат, словно рой,
чужие лица.
Всё чаще в храм за упокой
иду молиться...

---

* Ана́нке – в древнегреческой мифологии божество необходи-
мости, неизбежности, персонификация рока, судьбы и предопреде-
лённости свыше. Согласно Платону, между колен Ананке вра-
щается веретено, ось которого – мировая ось.

ИЗ ЦИКЛА «НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА»

Вдох!

От земли оторвалась и полетела.
Душа умершая очнулась и запела,
о рифмы спотыкаясь вновь...
И в жилах будоражит кровь
стих Иегуды Амихая...
Как птица крыльями у края
гнезда с беспёрыми птенцами,
цветок трепещет лепестками.
Мой куст подле окна опять
к весны венчанью веток прядь
облёт в священную фелонь
белее снега. На ладонь
листок, – как бабочка-душа
моя, цветением дыша, –
от баугинии слетает.
Его ловлю. И понимаю,
что я живу.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОГУЛКИ ПО «ПЬЯЦЦА МАТТЕИ»*

*...усталый раб – из той породы,
что зрим всё чаще, –
под занавес глотнул свободы.*

И. Бродский

Я – свободна!
(И этим, очевидно, угодна.)
Не надо бегать по магазинам, как злая сучка.
Карандаш долговечнее, чем авторучка
И холодильник, чрево которого не унять...
Не нужно в очередях стоять,
Чтобы вырвать чужое счастье,
Пусть даже на размер меньше или больше,
Что было лучше, потому что носилось дольше.

Ища выключатель, ощупывая стенку,
Как чей-то муж под столом чужую коленку,
Не нужно сомнамбулой впотьмах блуждать,
Чтобы успокоить ребёнка.
Сегодня не знают уже, что такое пелёнка
Со следами детского поноса...
Прилипший к руке навсегда утюг
С вертлявыми движениями гадюк
Уже не имеет такого спроса.

Не нужно стоять у плиты –
Доменной печи,
Да так, что вспухшие плечи
Уже не плечи,
А калачи
Или вздутые булки...
Сегодня у меня сплошные прогулки.
Свобода!
Вопрос лишь – какого рода?

---

* «Пьяцца Маттеи» – стихотворение И. Бродского.

Ханох Дашевский
Поэтические переводы из еврейской поэзии

Хаим-Нахман Бялик (1873-1934)
НА ЗАКАТЕ

Обними мои плечи, ко мне приникая,
Предвечерней порою.
И окно в необъятный простор, дорогая,
Распахнём мы с тобою.

И лишь вспыхнет сиянье волшебной зарницы
И откроется взорам,
Мы к нему устремимся, как вольные птицы
К заповедным озёрам.

Полетим и исчезнем за багряной грядюю,
Словно голубь с голубкой,
Где-то в пурпурном блеске, рядом с яркой звездюю
Ослепительно-хрупкой.

То миры наших грёз, золотые долины
Далеко во Вселенной;
Из-за них наша жизнь стала игом чужбины,
Стала вечной геенной.

Те миры нас манили, как во мраке изгнанья
Свет отчизны желанной;
И мерцали для нас, словно в знак состраданья,
Тусклою ночью туманной.

И печально мы вянем, как ростки, чьё цветенье
Надломила неволя;
И всё ищем далёкой звезды отраженье
Среди чуждого поля.

Яков Фихман (1881-1958)

ГОД БЕЗ ТЕБЯ

Год без тебя. Ты дремлешь там, в могиле.
И ты не можешь знать в своей глуши,
Что слёзы мир морщинами покрыли,
И не найти в нём места для души.

Год. Снова осень сумрачною скрипкой
Звучит над морем, гонит облака
Куда-то вдаль, над хмурой глубиью зыбкой,
И будит песнь – но песнь моя горька.

О, если б ты могла узнать во мраке,
Что помню я твой облик, как живой, –
Созвездья расцвели бы в зодиаке
От нежных слов, не сказанных тобой.

Недолго длится краткий день осенний,
И дней весенних слишком мал букет,
Чтобы плоды дозрели – и сквозь тени
От сердца к сердцу не проходит свет.

Я вспомню всё. И пусть мне тускло светит
Моя свеча – но в сердце торжество.
Я позову тебя, и мне ответит
Шуршанье платья – платья твоего.

И в полночь, озарённый звездопадом,
Душой приникну к твоему огню;
И вспомню я, что ты все годы рядом
Была со мной – и слёз не пророню!

Ури-Цви Гринберг (1896-1981)

* * *

Что за скрытая сила стояла за нами,
и вела нас по жизни? Подобно всем людям
были мы малышами, сосущими груди, юнцами,
закалёнными в битвах мужами – и больше такими не будем.

Как в садах плодоносных, так в нас много прелести было,
как в цветущих лугах, как в искрящихся водах потока.
А сердца горячи были наши в единстве с Божественной силой,
не боялись людей, открываясь лишь Божьему оку.

Но состарились мы, и на нас дети наши похожи,
словно тем же чеканом их свойства чеканят.
Их забавы – от нас, все их шалости – тоже:
то ломают игрушки, то рвут, то стучат-барабанят...

Упрекали мы их, как родители нас упрекали,
и как мы, наказанья боясь, они плакали – наше наследство.
К парикмахеру мы их водили, и лезвия ножниц мелькали,
и срезали их кудри, как волосы нашего детства.

Это был парикмахер другой: наш зарыт где-то в гнили.
Ни могильщиков, ни парикмахеров не убывает
в этом мире, где каждый идёт от рожденья к могиле,
словно лепит Создатель фигурки – и сам разбивает.

Ибо так отражается мир в ограниченных взорах,
что не видят глаза Божьей вязи в сплетенье событий,
от начала Творенья прекрасной – а там есть отверстия в узорах:
пустота с корнем вырванных тел – и уже не связать эти нити.

Из испанской поэзии

Федерико Гарсиа Лорка (1899-1936)

АДАМ

Где древа крови ствол багровой кроной
венчает утра схватки родовые –
там на окне узоры костяные,
и крик – стеклом по ране обнажённой.

А между тем стремится свет бессонный
на рубежи забвенья ледяные,
и заставляет течь ручьи живые
в туман прохлады яблочно-зелёной.

Адам из глины бредит в лихорадке
о мальчике, что надувая щёки,
галопом скачет на резной лошадке.

Другой Адам же, сумрачно-далёкий,
каменной пустыни видит отпечатки,
и мальчика из света в лунном оке.

ПРОСЬБА О ПИСЬМЕ

Любовь, как смерть, как зов из недр страданья,
всё тщетно жду, пока пришлѐшь хоть слово,
хоть каплю влаги для цветка больного,
чей стебель вянет в муках ожиданья.

Но вечен воздух. Камень без дыханья
не может видеть мрака рокового.
Не хочет сердце наслаждаться снова
холодным мѣдом лунного сиянья.

И в битве, где голубку тигр терзает,
там кровь моя из вскрытых вен струится,
и листья лилий в траур одевает.

Так дай словам в моё безумье влиться,
или оставь в ночи, что навевает
мне сон души, в котором тьма роится.

Падёт вместо слёз на могилу роса голубая,
И только орлы будут в небе над прахом скорбеть.
Взмывай же, Мерани, за грани судьбы улетаю!
Кто был непокорен – не станет покорным и впредь!

Пусть грозы омоют моё неподвижное тело,
Враг доли своей – не устану бороться я с ней.
Лети, мой Мерани, лети! Нет полёту предела!
Сомненья мои и печали по ветру развей!

Бесплодным не будет стремление сердца больного.
И, может быть, чей-то отважный скакун за тобой
Помчит, мой Мерани, по нашей дороге другого
В последнюю битву, в сражение с чёрной судьбой!

Дорога коня моего над землёю взлетела,
И ворон зловеще кричит за спиною моей.
Лети, мой Мерани, лети! Нет полёту предела!
Сомненья мои и печали по ветру развей!

Жанна Наварр ЛЕБЕДЬ И ВЕПРЬ

Лебедь и вепрь – какая взаимосвязь? Две сущности, две живые души, но такие разнящиеся одна относительно другой. И все же что-то есть из того, что объединяет: ситуация, какое-то событие? Возможно. Итак, слова-наводки для моих исследований: лебедь и вепрь. Как, когда, где и почему повстречались лебедь с вепрем?

По завершении сеансов с прочтений из высших планов – мне порой думается, как все-таки мы далеки и в то же время близки к своим корням, если идем через народную мудрость; только часто мы не задумываемся о том, что многое в общем-то знакомое с детства – через сказки, былины, народные эпосы, на самом деле не просто сказки... Любая история имеет место быть – вопрос лишь в том: каком виде она дошла до нас – полузабытом, урезанном или вовсе извращенном?.. По аналогии: «Кто старое помянет – тому глаз вон» – казалось бы мудрость на века, но редко кто помнит продолжение: а кто забудет – тому оба. Не в бровь, а в глаз!..

Не скажу, что я когда-то была поклонницей сказок – ничто (казалось...) искусственное, тем паче фантастическое меня не прельщало, наоборот, неизменно тянуло к жизни во всех ее проявлениях. И как любому прагматичному человеку в первую очередь нужны были весомые подтверждения того, что хоть в малой степени могло вызывать недоверие. Но вот прошло время, и мое мировоззрение стало меняться – не всё, что сказка, – сказка. Недаром существует и присказка: «Сказка ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок». Уроок!

Итак, когда?

Высвечиваются цифры – 101...

Где?

Ладога.

Что произошло?

...Древнее поселение – определяю по срубам, одежде – это несложно. По улице бежит мальчишка – я наблюдаю происходящее как на экране, и действительно похоже на кино, антураж-то сказочный. И вот в этот экран пацаненок лет 10 колотит со всей силы – проносится мысль: как такое может быть? Он стучит в экран (если провести аналогию с экраном компьютера или телевизора, например,) с другой стороны. Еще мгновение... и понимаю, что он бабабанит в окно, а я... внутри дома.

Распахиваю оконные створки, хватаю мальчика под руки и втаскиваю в избу. В его глазах страх. «У городища вороги», – едва слышно произносит он. Я прижимаю его к себе, и мы прячемся в углу под лавкой. «Успокойся, мой хороший», – повторяю я, поглаживая мальчика по голове, а сама также не в силах справиться с волнением.

Из сеней в горницу вбегает наш любимец – каурый пони, когда-то даренный нам – детям родителями (*кстати, считается, что первые пони появились в Скандинавии. К чему такое уточнение? Думаю, потом станет ясно*), печально глядит на нас – единственный шанс: бежать, да подальше. Ну что ж... седлаем конька и взмываем в воздух – он уносит нас вдаль от дома, после чего возвращается обратно.

Место незнакомое, мы бредем неизвестной дорогой. Я старшая, на мне ответственность. А на пути ни единого селения, ни какой-либо человеческой души, а значит: ни еды, ни питья. Понимаем: идти наугад – лишь уморить себя, надо выбирать место и обустроиваться.

Как-то приспособились.

...Странные то были времена – если мерить сегодняшними мерками. Человек ранее мог ко многому приспособиться, а быть может, знаний и умений было у него поболее, человек прошлого – дитя природы, а вот нынешний кто? Неразумное дитя каменных джунглей? Причем независимо от возраста...

Если воззряться вглубь веков, поизучать про верования и традиции разных народов, то с позиции себя сегодняшнего, пожалуй, и можно прийти к мысли, что у всех поголовно когда-то были или массовые галлюцинации, или необычно развитая фантазия, как третий вариант: мы чего-то не знаем.

Небольшое отступление.

У людей всегда имелась связь с природой и животным миром. Это сегодня мы не понимаем, о чем вещает Матушка-природа, а может быть, мы настолько уверовали в свою человеческую значимость и неординарность, возвеличив себя до царей или венца природы, что оторвались от былой взаимосвязи, превратившись из друзей в её недругов?..

А вот шаманы независимо от места своего обитания и расы издревле верят, что, надевая шкуру животного – будь то волк или иной зверь, охотники и воины могут приобрести некоторые их характерные черты и повадки. Такие шкуры почти сверхъестественным образом превращаются во «вторую кожу», обращая носителя в само животное.

Я литератор, и обращаюсь в основном к литературным источникам. Так вот, по сведениям фольклористов, в Норвегии и Исландии существовали группы мужчин, прозывае-

мые «эйги эйнхамр» или – «не с одной кожей». Существовало поверье, что такие люди могут принимать обличье какое захотят, будь то звериное или человеческое, так же и обретать суть конкретного человека или зверя. Для такого превращения шкуру животного набрасывали на тело того, чья душа затем принимала форму животного, оставляя исходное человеческое тело безвольным и инертным. Использовали для того и иные методы: распевали особые заклинания или же наносили на себя волшебные бальзамы. В таких случаях исходное тело оставалось неизменным, зато восприятие его в глазах зрителей менялось, человек приобретал избранное им обличье. Единственный способ узнать, не является ли животное эйги эйнхамром, заключался в том, чтобы посмотреть тому в глаза, их не могла изменить никакая магия.

Скандинавские боги и богини также часто принимали обличье животных или птиц, используя для такой цели специальную одежду. Фригг и Фрейя, к примеру, носили плащи из перьев сокола. Такую же мантию использовал и Локи, бог злого озорства, чтобы ради собственного развлечения сыграть шутку с кем-нибудь из смертных. Но самой чудесной и самой желанной деталью такой одежды была «волчья сорочка», даровавшая носителю храбрость, свирепость, силу и хитрость. Это были как раз те качества, которыми обладал волк. Уместно отметить, что скандинавские легенды повествуют и об отрядах воинов – почитателей бога Одина. Они были известны как «берсерки». То были «элитные войска», надевавшие либо медвежьи, либо волчьи шкуры, такие воины присоединялись к армиям скандинавских королей, но сражались во славу своего бога.

А были еще люди-лебеди.

Образ человека-лебедя и лебединой символики проходит через всю историю культуры народов Евразии. Устойчивые представления о лебединых девах прослеживаются до самых глубин. Они и по сей день сохранились у народов Севера: у ненцев известен образ Богини-Лебеди. Да и сюжет брака человека с лебедем или превращения в лебедя распространен у многих. Античные авторы писали, что обитают в северных широтах девы, которые оборачиваются птицами. Римский поэт Овидий, отбывавший ссылку в придунайском городе Томы, свидетельствовал, что женщины скифов достигают этого при помощи зелий.

Да, недаром пылали по всей Европе костры инквизиции. Разве возможно для человека «цивилизованного» принимать обличье животного? Этот вопрос занимал умы многих и многих. Средневековые христиане Запада считали: возможно, но при условии применения определенных сверхъестественных сил. Такие силы, как говорила церковь, могли исходить разве что от дьявола, и лишь те, кто заключал с ним договор, могли производить такие превращения. Они читали заклинания, использовали определенные руны, либо умащали тело специальными мазями, рецепты которых ведьмы получали от существей преисподней. Они носили и специальную одежду, обладающую «магическими свойствами», – рубахи, платья или пояса. В расцвет Средневековья такие поверья широко распространились. В своей «Истории и топографии Ирландии», написанной в 1187 г., валлийский монах Гиральд Уэльский с уверенностью утверждал, что все ирландские женщины обладают способностью превращаться в зайцев и горностаев. В официальном руководстве по колдовству 1484 г., изданному с благословения папы Иннокентия VIII и озаглавленному «Молот ведьм», два доминиканца-инкви-

зителя, Якоб Шпренгер и Генрих Крамер, описывали, как ведьмы в разных частях Германии могут превращаться в животных. Этот учебник для охотников на ведьм отражал официальное мнение католической церкви о том, что некоторые люди при подстрекательстве Сатаны могут принимать обличье животного по собственному желанию. Людям богобоязненным предлагалось проявлять бдительность и доносить на своих злонамеренных соседей. Этой книгой буквально зачитывались, и она была перепечатана в разнообразных вариантах по всей Европе, а содержащиеся в ней материалы принимались с не меньшим доверием, чем текст Священного Писания.

Так-то вот и получается, что вся наша жизнь – это борьба с неизвестным, а потому мистическим. Нередко от того, что своим утлым умишком-то понять мир в его многообразии не каждый способен. Но я отошла к более поздним временам, а на ту пору, о которой идет мое повествование, не оставалось ничего иного, как брату с сестрой дабы выжить – принять облик... лебединый. Как это получилось? Благодаря особой одежде, которую носили в качестве оберегов и для поддержания магических способностей, или заклинаний, неизвестно...

Времена и правда – беспокойные: если не победить врага, то хотя бы избежать встречи с ним, – уже означало сохранить собственную жизнь.

Озеро, у которого остановились, скитальцев кормило – под водой можно было раздобыть какие-никакие корни да стебли растений. А еще лягушки, червяки и рыбка – лакомство для птичьей души. Как водоплавающие они могли и от врагов в случае чего уплыть подальше или даже улететь, а для ночлега достаточно было плавучего гнезда из веток, камыша и прибрежной травы. Конечно,

не те удобства, что в человеческом доме, но в ином обличье и условия для комфорта другие. Только вот тоска по родителям... увидятся ли?

Шли годы, братец мужал, не довольствовался уже лишь только прибрежным да речным образом жизни, стал отправляться на дальние расстояния, и нередко в человечесем обличии. А однажды явился он с подругой, приглядел суженую в одном из дальних селений – просил сестру благословить его на будущую семейную жизнь. Что ж, так случается – дети вырастают и вьют уже свои гнезда. Уговаривал он сестру уйти с ними, но не захотела та стеснять молодых, осталась на своем озере. Правда, ненадолго.

Пришли как-то чужие люди в те места, а девица как раз облик человеческий приняла, скинув лебединое оперение. Обомлели они от увиденного и решили изловить лебедицу. Заприметила она их, да поздно, только успела перекинуться птицей, как сильные руки схватили ее да упрятали в мешок. Очнувшись, ощутила она тяжесть на одной из своих лапок – оказалась прикована Лебедь прочной цепью, пусть и не короткой, позволяющей к некоторой свободе, но все-таки... цепью.

Огляделась – небольшое озерце, скорее всего, искусственное, для улады взора и, может быть, бахвальства. На берегу красивый дом – не такой терем-теремок, в котором проживала она в девичестве, – каменные палаты, изразцовой плиткой выложенные. Княжеские хоромы.

Хозяина Лебеди довелось увидеть лишь единожды, а вот хозяйка ее не радовала – недобрая была женщина. Но был сынок у них – лет 16-17 или около того. Пригляделась Лебедица – Радомир! *(Тут стоит обратиться к другим запискам Жанны, где рассказывает о Радомире).*

«Вот так встреча!» – вырвалось из моих уст. Но Лебедью оставалась молчалива. Лишь глаза выдавали грусть-тоску да узнавание.

Иногда Лебедь позволяла себе выйти на берег в девическом облике. Быть постоянно птицей не могла – пребывание сверх положенного могло усугубить ее превращение, выместив совсем облик человеческий. И тогда, выходя да позвякивая тяжелой цепью, усаживалась она на бережок, склоняла над водой голову, и слезинки одна за другой бежали из ее глаз. Даже будучи чародейкой, не могла Лебедь избавиться от оков, то была цепь не простая, а заговоренная, и заклинание было ей неизвестно.

Радомир, хоть и «не вспомнил» Лебедь, но привязался к ней всей своей человеческой душой. На пару с одним из своих людей соорудил он на запруде теремок для Лебеди.

Однажды хозяйка объявила, что собираются они с мужем обменять Лебедь на мир и независимость от соседей для своего княжества. Конечно, слух о необычайном птичьем экземпляре разнесся к тому времени по всей округе великой. Прибыли переговорщики от половчан, подивились, согласились на обмен.

Загрустил Радомир, не хотелось ему с Лебедью расставаться, но не в его силах было преломить ситуацию. Както во время прогулки завернул он вечером на бережок, где как раз сидела девица и грустила о своем... Рассказал о предстоящем обмене. Еще горше слезы заструились по щекам.

– Я поняла, – впервые ответствовала Лебедь. – Скажи, известно ли что случилось с моими родными? – Она поведала о родимой стороне – откуда она и почему приняла вид лебеди. Что не птица она, а человек.

– Знамо мне, – сказал Радомир. – Выгорел твой город дотла, никого в живых не осталось.

Прикрыла глаза Лебедь – представила дым пожарищ и кострище вместо родного дома. Да, таковая участь отдельных поселений была в то время не редкостью. Враг нападающий не жалел ни старого, ни малого – что мог забрать с собой: житейское добро, украшения, драгоценности, скот или птицу домашнюю – забирал. Особливо ценились люди – молодые да сильные, уж больно был ходовой товар – человеческий, так-то и становились славяне рабами, покупались и перепродавались на невольничьих рынках за хорошую цену...

...Эйольв Дадаскальд – буквально «Скальд подвигов» или «Скальд, воспевающий подвиги» – исландец, скальд норвежского ярла Эйрика Хаконарсона, а вот и Лета: 1000–1011, то есть находившийся в дружине с 1000 г. Поэма «Бандадрапа» – или «Драпа (*хвалебная песнь*) богов» сочинена им была около 1010 г. в честь ярла Эйрика. Ярл (*высший представитель рядовой знати*) Эйрик возвратился осенью в Свитьод (*Швецию*) и оставался там всю следующую зиму. А весной собрал ярл войско и поплыл в Аустрвег – по «Восточному пути». (*Топоним возник для обозначения любых земель к востоку от Норвегии, от Швеции до Византии. Впоследствии его значение сузилось, и он стал применяться относительно земель по пути «из варяг в греки», а нередко и только Руси – Гардарики, восточно-прибалтийских ее земель*). И когда пришел Эйрик в государство конунга Вальдамара, или, иными словами, Владимира Святославича – князя киевского, стал он грабить и убивать людей, и жечь повсюду, где проходил, и опустошил ту землю. Он подошел к Альдейгьюборгу (*старое название Ладogi*) и осаждал его, пока не взял город, убил там много народа, разрушил и сжег крепость.

- Здесь стоит сказать, что раскопками на Варяжской улице (*на левом берегу реки Ладожки*) установлено, что «все постройки II основного горизонта» и многие из построек III «обнаруживают следы гибели именно в огне». По мнению исследователей, одно из этих бедствий связано с набегом как раз норвежского ярла Эйрика. Та же картина наблюдается и на Земляном городище Ладоги, где «плохо сохранившийся ярус XI» (после 980 г.) «гибнет в пожаре», связываемом исследователями «с набегом на Ладогу ярла Эйрика в 997 г.».

А затем воевал Эйрик во многих местах в Гардарики (*древнескандинавское обозначение Древней Руси*). Так говорится в Бандадрапе: «Богатый отправился опустошать землю Вальдамара огнем битвы. Из-за этого тотчас усилился бой. Ты, устрашающий людей, разрушил Альдейгью (*более раннее обозначение Старой Ладоги, от которого образован топоним Aldeigjuborg*), мы удостоверились в этом. Эта битва мужей была жестокой. Тебе удалось добраться на восток в Гарды».

...Вот тебе и Ладога, вот тебе и цифры-годы...

Почему столь жестоко расправлялись одни воины с другими? Дивиденды от завоеваний и разграбления – да! Хотя и звучит дико, и совсем не по-человечески, не гуманно. Но есть и предыстория. Причина, вероятно, кроется в поэтапности освоения скандинавами пути «из варяг в греки»: Ладогу, лежащую в самом начале этого пути, варяги освоили, согласно археологическим данным, уже во второй половине VIII века. Возникновение же древнерусского названия Ладога пошло как раз через посредство скандинавского имени *Aldeigja*. Отсюда вполне логичный и доказанный учеными вывод: первыми поселенцами в

Ладогe в начале 750-х гг. были выходцы из Северной Европы, и только к концу 760-х гг. туда пришли славяне. Много вопросов вызывают подобные изыскания: кто для кого враг, и почему события развиваются именно так, а не иначе?..

Но настал черед разобраться с вепрем.

Междоусобица в те годы была не редкостью. Половцы отличались не только своей воинственностью, но и умением вести военные баталии, они были славными солдатами, их услугами пользовались как их соратники, так и недруги. Половецкие орды возглавлялись ханами. Вот и вознамерился один из ханов половецких по прозвищу Вепрь приобрести себе Лебедицу.

Помните?.. В те времена люди были иными... Обрести мужественность и силу через преображение или веру в преображение посредством определённых действий – довольно распространенное явление было. Вепрь – считался у многих народов священным животным, символом воинской мужественности и силы. Вепрь, по представлениям человека прошлого, обладал сверхъестественными (*пророческими и магическими*) способностями. Он помогал на войне, защищая воина, – потому-то изображения вепря украшали шлемы и щиты оных.

Обмен на мир – может быть, и не столь долговечный, как того, вероятно, хотелось бы ранее упомянутому князьку, у которого в неволе томилась Лебедь, – должен был состояться на рассвете. Воинская рать хана обступила границы княжеских владений. Вепрь явился с приближенными людьми.

Вынесли для обмена Лебедицу в мешке, но не устроила Вепря акция обмена вслепую – приказал показать птицу,

дабы удостовериться, что это та самая Лебедица, а не какая-то обычная.

Что делать?.. Авось не упорхнет, если за лапы держать крепко. Один из княжьих людей приспустил ткань с птицы, а та как извернется, да и ударит по лицу крылом мощным, не ожидал тот такого напора и силищи необычайной от птицы. Вырвалась Лебедь, взвилась высоко. Почувствовав свободу, увеличилась в размерах, заблестели ее глаза, зашуршало оперение, взмахнула она руками-крыльями, курлыча во всю грудь лебединую, выдернула перо – прошептала слова неведомые и навела мóрок на половчан, в тот же миг обратились они в стадо кабанье.

Глянув друг на друга, ужаснулись те превращению да и бросились врассыпную. А Лебедь, сделав круг над князем и его людьми, взмахнула белоснежным крылом, прощаясь с Радомиром, и устремилась ввысь голубезную под самые облака...

ПИСАТЕЛИ О СЕБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

⇒ В преддверии Фестиваля «**Лебедь Белая-2023**» оргкомитет провел блиц-интервью с финалистами одноименного творческого конкурса. Писателей попросили ответить на несколько вопросов, связанных с творчеством и литературой в целом. Разумеется, интересно почитать произведения призеров, но кто же скрывается за авторством оных?

Вопросы были такие:

- Что привело вас к писательству и когда, что послужило толчком?
- Сколько времени вы посвящаете творчеству?
- Какими качествами должен обладать настоящий писатель?
- Наполеон говорил: *«Гениальные люди – это метеоры, призванные сгореть, чтобы озарить свой век»*. Согласны ли вы с этим утверждением?
- Есть ли у вас свой девиз, миссия?
- Что бы вы посоветовали начинающим писателям?

**Предлагаем вниманию читателей
некоторые фрагменты**

Глеб Пудов

Склонность к занятиям изящной словесностью я ощутил очень рано, передо даже не стояло вопроса: писать или не писать (первое стихотворение написано в 5 лет, а учитель по литературе в школе просил меня учиться хуже). Это, в некотором смысле, мой способ мышления: я не могу думать без авторучки. Можно сказать, что я живу только тогда, когда занимаюсь творчеством.

Начинающим писателям я бы посоветовал «ни дня без строчки». Главное – максимально частые и эффективные

упражнения, которые повышают технический уровень (вдохновение – вещь неверная, а вот мастерство останется навсегда).

Вера Сытник

Потребность писать (излагать свои мысли, описывать чувства, наблюдения за природой и людьми) живёт во мне с детства. С шестого класса увлеклась ведением дневника, который, как теперь вижу, стал моим первым сочинительским опытом. В старших классах начала писать рассказы, которые давала читать одноклассникам, и пейзажные зарисовки, которые публиковались в местной районной газете. Обожала школьные изложения, сочинения! Они у меня получались. Может быть, поэтому при поступлении в Омский государственный университет на филологический факультет единственная на потоке получила «пятёрку» на экзамене по сочинению.

Думаю, что наклонности к литературному творчеству даются природой. Это определённый склад ума: критический, созерцательный, философский, аналитический или сатирический и т. п. Это любопытство к жизни! И жгучее желание освободиться от обуревающих тебя эмоций посредством письма. Это и любовь к слову: способность чувствовать его тончайшие смысловые нюансы, испытывать наслаждение от его магической силы, от его способности передавать переливы настроения или состояния природы. Сочинительские наклонности можно развить, загубить, но нельзя, не имея их, заниматься сочинительством. Правда, не всё, что выходит из-под пера любителя сочинять, является литературой. Но это уже другая сторона вопроса...

...С высказыванием Наполеона согласна. Гениальные люди врываются в своё время и пронзают его лучами своего таланта, запечатлевая в своих произведениях са-

мую его суть! Благодаря этому мы имеем художественные и психологические портреты разных эпох, что даёт понять, откуда мы движемся и куда идём. Господь зачем-то дал нам разум, душу. Не для того ли, чтобы мы познавали самих себя прежде всего? Ведь нет ничего интереснее в мире, чем человек со всеми его низкими подлостями и чистейшим трепетом души! Без литературы самопознание невозможно. Да, гениальные люди – метеоры, ибо они в каком-то смысле освещают дорогу, по которой тянется вереница известных нам цивилизаций. Правда, одни сгорают моментально, промелькнув на литературном небосклоне, едва успев зажечься. Сгорают, но выплёскивают такой заряд света, которого хватает на века и века вперёд. Другие же горят долго, мощно, так, что всё вокруг бывает освещено ими и становятся видны мельчайшие изъяны общества и человека в отдельности. В свете писательского таланта видны не только пороки, но и благородство людей, их доброта и Божья благодать, которая даётся так часто, как люди её хотят. Не каждый писатель способен стать «метеором», но каждый может зажигать свой, пусть скромный, но светильник, вокруг которого грелись бы люди...

Алла Кречмер

К писательству меня привёл интерес к жизни – поступки окружающих, подоплёка этих поступков. Сфера моей деятельности, я врач по профессии, давала мне много материала для наблюдений. Стихи пробовала писать с детских лет, а к прозе пришла в зрелом возрасте. Толчком послужил отъезд моего сына в Израиль. Образовавшуюся пустоту я заполнила написанием глав романа.

Основное качество настоящего писателя – упорство. Даже большой талант может опустить руки перед трудностями, не обладая упорством.

Со словами Наполеона согласна. Если не будет света от подобных метеоров, человечество будет копошиться во мраке.

Девиз: «Прожить жизнь без черновиков».

Миссия? Возможно, это слишком пафосно, думаю – нести добро и здоровье, физическое и душевное. К этому располагает и профессия врача, и писательство. А в первую – очередь заботиться о семье.

Посоветовала бы начинающим писателям сочетать несочетаемое – «ни дня без строчки» и «умейте домолчаться до стихов». Писать нужно каждый день, чтобы оттачивать умение, и на фоне достигнутого умения рождается настоящая поэзия.

Галина Долгая

Я начала писать в 46 лет. На мой взгляд, со мной случилось чудо. Однажды ночью я проснулась и сходу написала несколько стихотворений о природе. До того со мной ничего подобного не происходило. В это время я как раз была в горах и напиталась впечатлениями от прекрасной природы. Утром я сильно удивилась. Хоть стихи были неказистые, но сам факт для меня был невероятным. Потом я написала первый рассказ «Венец творения», следом первый роман «Эллиол. Взгляд дракона». Думаю, что к тому времени, когда это случилось, я накопила определенный жизненный опыт, о многом размышляла. Тогда меня волновал вопрос устройства мироздания, взаимоотношений бога (богов) и человека. Я увлекалась гностикой. Обладая хорошей фантазией, я создавала образы героев, которых погружала в определенные обстоятельства, и с их помощью пыталась выстроить свою систему взглядов, ответить на свои же вопросы. Что, откуда бралось – не знаю. Образы моих героев приходили ко мне как бы свыше. Мне остава-

лось только следовать за ними, выстраивать линии их жизни. До сих пор, уже имея опыт писательства, я слушаю себя, следуя чувствам, ощущениям, которые не всегда сразу могу понять, но с помощью которых создаю нужные направления сюжетов, развития событий, влияющих на жизнь моих героев.

Рабочий день писателя не нормирован. Бывает, что за день я напишу один абзац, но он – плод глубоких размышлений, бессонной ночи. Бывает – напишу несколько страниц. А бывает и затишье. Но мысли всегда крутятся в рамках творчества, если вообще можно говорить о каких-то рамках этого стихийного процесса.

Зоя Солис

Что привело меня к писательству? Это была потребность моей Души, так моя Душа со мной заговорила. Я просто взяла ручку, лист бумаги и начала писать. В тот момент я не думала о том, как писать, что получится, и получится ли вообще. Это было то состояние, когда ты не можешь не писать, слова сами идут изнутри.

Это был февраль 2021 года.

Если мы говорим о писателе как творце, то важно оставаться верным себе, своей внутренней правде, быть честным с собой. И неплохо было бы раз от разу задавать себе вопрос: «Что множит мое творчество – любовь или страх? После того, как читатель прочтет написанное, чего станет больше – любви или страха?»

Наполеон говорил: «Гениальные люди – это метеоры, призванные сгореть, чтобы озарить свой век». Но от этого высказывания веет обречённостью «сгореть, умереть»,

чтобы что-то кому-то озарить или доказать, а если «не сгорел», то и не гений?.. На мой взгляд, гениальные люди – это люди, имеющие идею, свою правду и смелость, дерзость верить в эту идею, видеть ее реализованной, даже когда никто вокруг не верит, и всё говорит об обратном. Такие люди живут этим, а «не сгорают, не умирают» за это.

Ирина Петрова

Моя первая книга нон-фикшн получилась спонтанно и вышла чудесным образом около 10 лет назад. А тяга к художественной прозе возникла несколько лет спустя, как заветная и невозможная мечта. Я подумала тогда, что у меня есть еще лет 40 впереди и могу попробовать, как любопытный ребенок, делать маленькие шаги, не ведая и не беспокоясь, куда приведет меня этот путь.

Внутренний процесс осмысления, улавливания импульсов идет постоянно. Работа с текстами обязательно 5–6 дней в неделю. Даже если это минимальное воздействие, важно каждое прикосновение и связь с текстом.

С Наполеоном в целом согласна. Привнесение нового в человеческую цивилизацию требует максимальной самоотдачи. Но само понятие «гениальные люди» требует отдельного пояснения и осмысления. Быть может, в каждом из нас есть частица гениальности.

Мой девиз, пожалуй: «Каждый день делай один маленький шаг к мечте».

Начинающим писателям посоветовала бы быть смелыми и быть в постоянном поиске. И почаще напоминать себе, что для создания чего-то прекрасного страдать не обязательно. Счастливый писатель удваивает свой талант.

Содержание

ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ (поэзия и проза)	5
Марина Ламбертц-Симонова	6
Анжелика Шимчук	10
Зоя Солис	12
Нелли Вист	13
Татьяна Бадакова	18
Галина Долгая	23
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА	29
Елена Лещинская	30
Наталья Колмогорова	32
Павел Соловьев	34
Виктор Сапиро	36
Фаина Судкович	38
Алла Кречмер	40
Эвелина Цегельник	42
Наталья Колмогорова	48

Илья Криштул	56
Ирина Петрова	59
Марина Яковлева	63
Виолетта Минина	70
Василий Нестеренко	72
ПУБЛИЦИСТИКА, ЭССЕИСТИКА, КРИТИКА...	79
Глеб Пудов	80
Вера Сытник	88
Татьяна Бадакова	94
VIP	99
Юлия Каштанова	100
Елена Черникова	107
Валентина Бендерская	113
Ханох Дашевский	120
Жанна Наварр	127
ПИСАТЕЛИ О СЕБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ	139

© Альманах: Лебедь Белая

Verlag «STELLA»
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
Tel. +49/1743840306

ISBN 978-3-95772-343-7

